

Синий маяк

18+

Ксения Литвинова

Ксения Литвинова

Синий маяк

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62719411
SelfPub; 2023*

Аннотация

Когда кругом нет ничего, кроме одиночества и ветра, можно принять за человека любую тварь. Ты признаешь её правила или она признает твои, но одинок ты уже не будешь. Даже на самом дальнем из зачарованных островов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	51
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ксения Литвинова

Синий маяк

Глава 1

Как было дело, спрашивать не у кого. Вроде здешние маги что-то не поделили между собой. Наколдовали нечисти, чтобы драться с большим размахом. Но нечисть так всё заполонила, что наши чародеи перепугались и уплыли подальше. А не наши чародеи... Тоже, наверное, уплыли. Точно не знаю, это было на другой стороне острова. Кто туда сунется в здравом уме? Я дальше берега не хожу – мне надо за маяком смотреть. Больше никому.

Поначалу мы тут с папашей жили, но на беду построили лодку. Отец хотел поплавать вокруг острова, поглядеть, что к чему. Отчалил, а через три дня его на берег выкинуло штормом, уже без лодки. И без дыхания. Скалы у нас погибельные.

Прежде маяков было больше, чем один. Старые корабли сами находили по ним дорогу меж островами, когда возвращались домой. Вот и волшебники обещали вернуться, как только отыщут помощь или новые корабли, или чего им там не хватало? В то время здесь ещё оставались люди, которые сами колдовать не могли, а могли только отбиваться от нечи-

сти. Отец объяснял, что с нашего берега всех пытались забрать. Но буря была страшенная, первый корабль разнесло о камни, а прочие не сунулись. Зато я знаю теперь, что корабли были. Ведь иногда сомнение берёт! Особенно когда ночь и ненастье, и нечисть завывает под маяком. Но поутру выглянешь – никого нет, разбежались. А этот, мираж или как его, дырявый уже насквозь, а весь как из тонкого хрустала. Торчит на рифах, и рассветный луч в нём играет.

Вернутся волшебники, как же! Что они здесь забыли? Я и сам думал плюнуть на всё и подыскать местечко потеплее. Ан нет, каждый вечер, как привязанный, тащусь включать маяк. Раньше у нас имелась вода разных цветов, и каждый цвет что-то значил. Язык был такой у маяков. Теперь вода осталась только синяя, вот я и жгу её. Понемногу. По сути это не вода, а масло. Горит хорошо, долго, но всё-таки сгорит, а как пополнять запас? Папаша что-то понимал в этом, всё же он считался чародеем, пусть и не самым ушлым. Раз торчал на голой косе, а не в тёплом замке.

Мамаша была из простых, её я не помню. То ли она родами умерла, то ли попалась кому-то в зубы – отец не хотел говорить. Он вообще разговоры не любил. И магии учил неохотно. Впрочем, какая тут магия? Ну, рыбу приманить в сети. Ну, огонь разжечь. Кое-что я почерпнул из книжек, но книг осталось мало – две, и те обгорелые. Матушка постаралась! Все несчастья от колдовства, вот она и жгла проклятую писанину. У меня даже карты острова нет – отец её с собой

прихватил, когда поплыл изучать берега. Ещё он лук забрал и запас синей воды. Думал отбиваться от нечисти и зажигать другие маяки. Как ни крути, дурная была затея. Но и папаша к тому времени был плох. Всё кашлял кровью да заговаривался. Бредил своими кораблями. Обещал, что научит заклинать ветер, но, выходит, сам не больно умел. Словом, такая жизнь...

Днём ещё куда ни шло. Хотя дни у нас больше пасмурные, жарко не бывает. Но и снег подолгу не лежит. Терпимо. Можно по берегу прогуляться, порыбачить или водорослей нарвать. Запасов хватает, магия как-никак. Баночка махонькая, а есть из неё целый год можно. Правда, всегда одно и то же. Наскучивает. Иной раз и зверя добудешь, но кто его разберёт, зверя? Либо он несъедобный, либо вообще человек. Так и гадаешь всякий раз.

Оборотни приходят каждую ночь. Куда днём деваются – неизвестно. А по темноте их тянет на синий свет. Видно, чувуют, что если корабли вернутся, то всем тварям несдобровать. И мечутся вокруг, и воют, и жрут кого-то во мраке. Добычу делят или друг друга терзают. Волки – не волки, какое-то чёрное зверьё! Чуть рассвет забрезжит, они бегом в лес. Опрометью. Там эти чудища вроде как обретают человеческий облик. А правда или нет – не проверять же? Будь они люди как люди, вышли бы к маяку. Но убивать их всё равно боязно. Вот чёрные и рыщут, где пожелают. Я уже и спать привык под их завывания. Ветер стонет, ну и эти с ним.

Только бы огонь не гас.

Долгое время всё так и шло. Упорядоченно. И работа была, и еда – повезло по нынешним временам. Но женщины – это же главная напасть! Вот одна на меня и напала. Видеть я их прежде не видел, но не полный же я идиот? И отец рассказывал, и картинки в книгах попадались. Но книги книгами, там и не такую нечисть рисуют!

Как-то осеним утром я отправился побродить на мелководье, чтобы ободрать ракушки с камней. Живность из этих раковин на вкус как подошва, но жалит не смертельно и есть её можно. Вот я и надумал разнообразить завтрак. А как к морю спустился, смотрю, колышется на волнах что-то. Тряпка – не тряпка. Вообще-то, сукно не помешало бы. Новые штаны пошить.

Прилив иногда выбрасывает разные полезные вещи. Пару лет назад хороший кусок полотна прибило. С того корабля, что застрял на скалах. Может, флаг, а, может, обрывок паруса. С одной стороны рисунок полинял под солнцем – так, что-то серенькое. Зато другая сторона в темноте мерцает. Бледно, но масло в светильнике можно поберечь. Я этим полотном ночью накрываюсь. От него тепло идёт, а если долго смотреть, то в глубине разные фигуры мелькают – то ли звери, то ли птицы. Так и гадаешь, пока не заснёшь.

Словом, я прикинул – вдруг опять что-нибудь интересное? И полез в море. Ладно, обсушусь потом. В крайнем случае, хлебну синей воды. Эта вода – незаменимая вещь. Хо-

чешь, в лампу лей, хочешь, сопли лечи... Волны были немаленькие, не знаю, как я догрёб до той штуки. Глядь – а под ней человек! Почти. Я никого похожего не встречал, но кто сейчас нормальный? Всё равно, думаю, надо вытаскивать. На что мне тут трупы? Некрасиво. Закопаю его на пригорке, заодно карманы проверю. Глупо же бросать! Потащил. А тяжело, словно камни волоку! И будто не по воде, а по песку. Хотя тут магия везде, где надо и не надо. Захочешь – не поймёшь...

До прибоя я едва дотянул и прилёг на гальку отдышаться. Только эта тварь так и вцепилась в меня ручонками. Ледяная, как мертвец, но держится крепко. Даже зубами впилась куда-то в ворот. А солнце так спокойно светит сквозь тучку и море так ласково шуршит, что прямо рукой лень двинуть. Лежать бы да любоваться! Или подремать на берегу... Пока волки не набегут. Вот уж с ними я не жаждал встречаться!

Глаза открыл, а эта бестия на меня смотрит. И взгляд такой тёмный, как небо в бурю. Но ясно, что совсем не мёртвая. Или мёртвая, но не совсем. Ещё и говорить начала, только говор – как шум ветра, ни слова не разберёшь. Но я её дослушал – из интереса и вежливости.

– Отдохнула? – спрашиваю. – Полезли дальше.

Уже понятно было, что это дама, а прочие подробности могли подождать. А то я начал околевать под ветром. Словно на дне побывал – такой был холод! И силы иссякли не ко времени. Я всерьёз забеспокоился, что не вскарабкаюсь на

маяк с такой ношей, но на спину её перекинул, и не почувствовал веса. Опять какое-то мутное колдовство примешалось! Но бросать мою находку оборотням тоже было не дело.

Ладно, затащил её к себе, сгрузил на кровать. А накидка так и не снимается. Крылья, что ли? Я на всякий случай подёргал, так эта летунья мне по руке стукнула – больно. Злая какая, ты подумай! Я завернул её в эти крылья, чтобы на постели помещалась, и пошёл огонь разводить. Обычный, не волшебный. Волшебный беречь надо. А если тварь кинется, так сразу кочергой её!

Сходу ведь не распознаешь характер. Укусила она всего раз и не сильно. В бессознательном, так сказать, состоянии. Шея даже не болит, но слегка чешется. Я на всякий случай синей водой помазал – вдруг какая зараза? Если бы яд, уже убило бы. Наверное.

От живого огня и на душе потеплело. Но шорох я слышал, и тень по стене взметнулась – как отсвет пламени. Обернулся с кочергой наготове. Да нет, ничего. Эта смирно на лежанке сидит. А крыльев как не было. Волосы чёрные, длиннющие, и вода с них на пол кап-кап. Она эти волосы пальцами переплетает – быстро-быстро. И опять бормочет своё. Будто сквозняк по щелям стонет. Я и не вникаю, я за её руками смотрю. Кожа белая, ногти чёрные. В остальном на человека похожа, хотя кто её знает? Я всё же сделал ей знак, чтобы не шевелилась. Как будто бы поняла. И ручки на коленях сложила. Надолго ли? Мне ведь под самый потолок

взбираться по шаткой лесенке! Как быть, если эта нежить набросится? Простынями её вязать?

Поколебавшись, я всё-таки поставил кочергу. С оглядкой. Добрался до книжки – первой из двух. Сдул с неё пыль, искал заклинание. Где-то оно мелькало, просто никогда не требовалось. Но если правильно повторить все загогулины, должно заработать. Перо птицы Дук ещё нужно, и всё. Как выглядели те птицы и где водились, я в книгах не нашёл, так что Перо бесценно. От папаши перешло.

Пока я этим Пером воздух расписывал, сквозь шум ветра начали прорываться слова.

– Вот я влипла! – говорит. – Ты никак волшебник?

И дальше опять шум ветра. Тьфу ты, одну закорючку не дорисовал! А этой твари лучше в лицо не смотреть. Глянешь – и как будто время останавливается. И пальцы немеют. Ох, зря она это! Я еле-еле дописал заклинание, и то с запинкой. Мог дырку в полу прожечь или снег вызвать.

– Ты-то что такое? – спрашиваю.

Теперь она и моргать перестала. А глаза словно ещё больше сделались.

– Не узнаёшь? – удивляется. – Ты же по-нашему говоришь...

Как бы не так!

– Я по-вашему не говорю, – объясняю я, убрав Перо за ухо, – просто тебе так кажется. Это магия из книжки.

Она покосилась на книгу, потом на меня, потом опять на

книгу и заявляет:

– В первый раз настоящую магию вижу. А ты хороший волшебник?

– Лучший. На всём острове.

В этот раз гостыя моргнула. Но, по-моему, не поверила.

– Я про другое, – поясняет она, замаявшись, – ты сразу истреблять будешь или возможны другие варианты? Что укусила, извини. Есть хотелось до жути. Но я ведь тебя не доела! В благодарность за спасение.

Необычная благодарность.

– Ладно, что с тебя взять, раз тебе так приспичило? – вздыхаю я, вытирая со лба воду. Или холодный пот.

Толку-то пререкаться с тварью?

– Шла бы ты в лес. Пока опять не оголодала.

– Да я, – щерится она, – и сейчас голодная! Ночью на охоту слетаю, не беспокойся.

Ага, не буду. Не выгонять же её, с чего бы?

– Тебе поспать не надо? Ты устала, наверное. Летела долго.

Она так глянула, будто услышала что-то несуразное.

– Я голодная не сплю. Сам бы заснул?

– Что же ты будешь делать до ночи? Дать тебе книжку? У меня ещё есть.

– Так я на вашем языке не читаю.

– Рисунки поглядишь.

Молчит. Значит, не возражает. Пришлось мне опять лезть

на лестницу. Лезу и думаю, что бы такого сказать? Долго ведь до вечера!

– По имени тебя как?

Она опять таращится, словно не понимает.

– О! – вроде сообразила. Даже засмушалась. – Да я так, без имени.

Совсем чудной народ! А так посмотреть, разумный.

– Как же тебя звать? – недоумеваю я. – Просто «Эй-ка»?

Она даже вперёд подалась.

– Ты меня звать будешь? – сразу не верит. – Эйка подойдёт. Далеко слышно.

То ли шутит, то ли взаправду чудная.

– А ты, – начинает она аккуратно, – в самом деле про нас не знаешь?

Я как раз с лестницы спрыгнул. Со второй книжкой. Так что ответ сам напрашивался.

– У меня, – говорю, – только первый том есть. И семнадцатый. Обрывочное, так сказать, образование.

– Живёшь тут один?

Я развожу руками:

– Как видишь.

– Это хорошо, – решает гостя.

С какой стороны смотреть. Вообще, наверное, хорошо. Было.

Она снова помолчала, а затем плавно сползла с кровати. Я книжку отложил на стол и за Перо взялся – на всякий слу-

чай. Но тварь эта безымянная дальше не двинулась. Встала и опять свои волосы перекручивает. А волосы прямо до пола.

– Я объяснить должна, – произносит она как бы через силу. – Раз я тебя укусила и не убила, между нами теперь Связь. Магическая. Нам надо вместе держаться, если не изведём друг друга.

Счастье-то какое.

– Какого же рода, – осведомляюсь я, – эта связь? Ты не уймёшься, пока меня не доешь?

– Да нет, – морщится она, – я-то уймусь. А ты будь осторожнее. Связь эта наподобие брака. Третьего не потерпит.

– Третьего тут трудно найти, – заверяю я, не сводя с неё глаз, – но спасибо, что уведомила. Очень вовремя.

Брак – дело неплохое, но я жениться не планировал. Тем более, так скоропалительно. Да ещё на нечисти! Она, видимо, так и поняла. Поразмыслила немного и подошла ближе.

– Это не шутки, – предупреждает, – не забудь, что я сказала, если надумаешь другую целовать. И тому подобное.

– Я и тебя целовать не намерен. Какая необходимость в таком смертельном риске?

Она прищурилась и снова переступила через одну половицу.

– Никак не разберу, – признаётся, – ты про Связь не понял? Или не поверил?

– Поверил, – отвечаю я торопливо, – хорошего мало, так что верится сразу. А на каком расстоянии действуют твои

чары – лишний шаг убьёт или два шага разрешаются?

– Соображаешь, – одобрительно кивает гостя. – Не волнуйся, от самой магии ты не умрёшь, но покой потеряешь. И тоска заест, если не будем видеться.

Неужели заест?

– Иными словами, ты ядовитая, – подвожу я итог. – Не повезло мне, сам виноват. В другой раз не поведусь.

– У меня это тоже впервые— усмехается гостя. – Надо было перетерпеть, но зубы сами ухватились.

Клыки у неё, правда, острые! Как у хищной рыбы. Смотреть не хочется, а не смотреть не могу. И пятиться некуда – позади жаровня с огнём.

– Вот сейчас ты зачем подошла? – интересуюсь я для порядка.

– Просто так, – уверяет, – лицо твоё запомнить.

Спасибо, рассмешила.

– И без того не спутаешь.

По-моему, она что-то своё видит, а слов и вовсе не слушает.

– Так и знала, что рыжий, – это она мне сообщает, – пока мокрый был, и не разглядишь! Вечно меня на рыжих тянет, кожа у вас тоньше, что ли?

– Подозрительная похвала, – отмечаю я, задержав дыхание.

– А глаза как океан под солнцем. И также цвет меняют, – прибавляет она задумчиво.

У меня глаза цвет не меняют, я не маяк. Это у неё в глазах какое-то движение – будто ураган во мгле кружит. И пахнет она подводной мглой и тленом. С минуту эта нежить глядит исподлобья, а потом договаривает, скривившись:

– Не люблю солнце.

– У всех разные вкусы. Может, отцепишься по-хорошему? – предлагаю я, покрепче перехватив Перо.

Она уже перебралась лапкой со своих волос на мои и также их путает. А пальцы ледяные, что твоя смерть! Ещё и спрашивает:

– Тебе что, жалко?

– Мне не жалко, мне жутко, – говорю я, стараясь не замечать это копошение, – вдруг опять тяпнешь?

Она так и расцвела.

– Что, уже хочется?

Была охота, ага.

– Я не пойму, ты так влюбилась или оголодала, – рассуждаю я с грустью, – но, если свои шутки не прекратишь, я тебе Перо в глаз воткну.

По крайней мере, трогать перестала. И на том спасибо. Наклонила голову, ухмыльнулась:

– Тихий-тихий, а смелый.

Спасибо, развеселила.

– Не обольщайся, – улыбаюсь я, – это от отчаяния. А так во мне ровно ничего приятного нет. И даже примечательно-го.

– Придётся мне привыкнуть, – собирается она с духом. – Погоди-ка, а кровь откуда?

По запаху учуяла, да? У неё даже ноздри задрожали! Я пока не понял, в чём дело. Шею потёр – нет, не кровит.

– Это я себе руку проткнул Пером. Нервничаю.

Неужели отодвинулась?

– Не взыщи, – кидает она через плечо, – у нас это само собой получается. Тоже магия – чтобы подбираться к добыче. Теперь я, конечно, ни-ни. Связь есть Связь. И вообще, я не большая мастерица голову морочить. Мне проще скоростью взять.

Не сразу найдёшь, что возразить. В таких случаях лучше помолчать, и я молчу, слизывая кровь с ладони. Где-то тут бинт оставался, но не хочется делать резких движений. Раз эта нечисть скоростью берёт!

– Будь аккуратнее с ранами. Связь от этого крепнет, – разъясняет гостя, а сама просеивает золу в жаровне.словно песок – набирает в кулачок и высыпает тоненькой струйкой.

Я прячу за спину повреждённую руку и задаю безнадёжный вопрос:

– Ты о чём-то другом иногда думаешь?

– А у тебя мысли поважнее? – сомневается она. – Тогда я могу одеться, чтобы не отвлекать. Если есть, что надеть.

– Там, – киваю я, – сундук под столом. Бери, что приглянется.

Сундук большой, кованый, но она его выдвигает одним

махом. Я всё порывался его разобрать и приспособить для хозяйственных нужд. Но всякий раз захлопывал крышку. Нехорошо делалось. Да и на что мне платья?

А девчонке сгодятся. Она первое же и натянула – голу-
бенькое.

– Длинно! – огорчается. – Иголку мне дать не побоишься?
Подол подогнуть.

– Отрезать быстрее, – подсказываю я, – кому их носить?
– От матери остались? – хмурится она. – А матери уже
нет?

Сметливая какая!

– Ну, значит, не обидится, – решает гостя, передвинув
сундук к стенке, – я ещё гребень возьму, ничего? Глядишь,
и за человека сойду!

Вряд ли, но хорошо, что она притихла. На сундук вска-
рабкалась и косы расчёсывает. А глаза прожорливые.

– Давно ты здесь? – спрашивает.

– С рождения, – я ищу, во что упереть взор, и выбираю
лесную даль за окном.

– Это сколько?

– А нужна точная цифра?

Не то чтобы я тут календари рисовал! Но она так посмот-
рела, что поневоле ощутишь себя недоумком.

– Пусть будет восемнадцать, – решаю я.

– Лет?

– Ну да.

– Ну мало ли!

Как-то не захотелось её в ответ расспрашивать. Скажет – две тысячи, мне что тогда, полегчает?

– А звать тебя как?

– Раньше звали Ильмом, – припоминаю я, разглядывая волны в другом окне.

– А теперь? – удивляется она.

– Теперь звать некому.

Усмехнулась – словно бритва блеснула.

– Ты долго будешь там стоять, Ильм? Как дальше устроимся?

– Как-нибудь, – я, наконец, решаюсь на неё посмотреть, – полы, что ли, помой, когда причешешься. Раз ты теперь за хозяйку. А я схожу на берег, проверю сети. Примерно так и заживём.

– Можно и так, – соглашается она, немного поразмыслив, – только я рыбу не ем. Даже сырую.

Отлично, мне больше достанется.

– Для тебя нормальная еда, как отрава? – спрашиваю я, ища, во что переодеться.

Собирался вот штаны починить, так и не собрался.

– Смотри что считать едой, – рассуждает гостя, мечтательно облизнувшись, – не отрава, но всё равно что землю жевать. Разве что вырвет. Желаеть удостоверить?

– Не особенно, – признаюсь я, заматывая в сухую рубашку Перо и книги. – Лучше принесу ракушек.

– На что они мне? – недоумевает гостья.

– Бусы сделаешь.

В самом деле, не вечно же тут сидеть, если она не уходит? Раз кровожадная нечисть, так непременно воровка? В итоге я выбираюсь за рыбой. Или топиться – какое настроение будет. Самое нужное я забрал с собой, потому что закралась мысль вовсе не возвращаться. Но как без меня корабли?

Пока я сети вытягивал, пока улов выпутывал, тоски и беспокойства не ощущал. Наоборот, полегчало оттого, что не было видно эту напасть. Ну а что, плакать теперь, что ли? Не может вся жизнь быть праздником! Эта кровопийца и прикончить меня могла. Ведь не прикончила? Еды не просит, что тоже кстати. А утонула бы сегодня – какая с этого радость? Ей уж точно никакой. Про себя я ещё не решил, есть ли чему радоваться. Пока только руки стали дрожать чуть меньше. На миг даже подумалось – вдруг, ничего и не было? Такая тишина стояла, так спокойно плескалась вода, что даже удивительно.

Нет, заявилась.

Подоткнула юбку, уселась рядом, уставилась пасмурными глазами в сизую даль.

– Для чего столько рыбы? – удивляется.

– Засушу. Или засолю. Правда, соли мало.

– Помочь тебе?

– Зачем?

Она дёрнула плечом:

– Так. А вдруг стерпится? Связь – это либо судьба, либо проклятие. Я пока не могу определиться.

Что уж тут определять! Ладно, дал ей рыбину и складной ножик.

– Полегчало? – уточняю. – Сначала так, потом так... А, хотя когтями тоже можно. Нормально, да. Пойду... Мох пишу.

– А мох для чего? – оборачивается гостья.

– Заместо соли, – отвечаю я, споткнувшись, – ты себе кровь без соли представляешь? Невкусно же!

– Я её стараюсь не представлять, – вздрагивает она, – ты иди лучше.

Ну, сходил туда-сюда. До дальних камней. Заодно одежду сменил. Теплее стало, веселее нет. И разговор иссяк. Так и промолчали весь день. То с уловом возились, то я сети чинил. А судьба эта либо вплотную подступит, либо отодвинется шагов на двадцать. Но совсем не уходит.

– В чём смысл? – силюсь я дознаться.

Она стоит и косу тербит – заплетёт волосы и опять выпускает.

– Привыкаю, – объясняет, – я раньше не пробовала долго с людьми находиться и не есть их.

Я тоже к людям не привык. Но лучше бы всё же люди.

– Ты бы присела? – предлагаю я ближе к вечеру. – Могу тебе вслух почитать, раз ты неграмотная.

Она фыркнула, но села. Ногами в волны. Запустила когти

в мокрый песок, запрокинула лицо к грозовым небесам.

– Море холодное, – предостерегаю я, отмывая руки, – а из лекарств только мох.

– Я не мёрзну, – успокаивает гостя, прикрыв глаза, – и это не море, а океан.

– Какая разница? – спрашиваю я, обтирая ладони о край рубахи. – Ты что, за этим океаном живёшь?

– Нельзя жить за океаном, – улыбается она, – океан – это шар. Ты хотя бы это знаешь? Весь наш мир – океан. И в нём таких островов, как звёзд на небе.

– Весьма полезные сведения, – признаю я, подворачивая разодранную по шву штанину, – я-то думал, мир побольше! Если считать со звёздами. А если считать, как есть, так мир вон от той скалы и вон до этой. Туда луч маяка доходит. А дальше лес и конец мира.

Она поглядела с удивлением.

– Что ты сердишься?

Я на неё тоже глянул. С удивлением.

– А с какого же перепугу, – спрашиваю, – мне радоваться? И какое мне дело, что там в темноте: острова или звёзды? До тебя тут прошлым событием была война, тем всё и кончилось.

– Я знаю, – выговаривает она глухо, – это же была война ста островов!

Видимо, я должен поразиться. Но я и свои берега плохо знаю: что тут, где. И сколько народу полегло. Поэтому мне

сложно оценить размеры события. Я могу только сокрушаться:

– Отчего же ты выбрала этот остров, а не другой из ста? Она моргает. Впервые за час.

– Я не выбирала. Мы стайей охотились на соседних островах, но они почти пустые. Промешкались там до утра, а как стали возвращаться, поднялась буря.

– Буря улеглась, почему назад не вернёшься? Или тебя тут Связь держит?

– Ну и Связь, – отвечает она осторожно, – и лететь неблизко. Боязно. Как я дорогу найду? У нас маяков нет, сплошь туман и утёсы.

– Уютное пристанище.

– Незаметное, – поясняет гостя, – и пещер много. Есть, где устроиться.

– А! Вы как летучие мыши гнездитесь!

Щурится, не понимает. Летучую мышь не видела! Ну да, много ли увидишь, на голой скале? Но чтобы мышей не было... Небось, сами же всех и сожрали.

– Нет, – определяется она, чуть подумав, – не как мыши. У нас большие пещеры. И вещи есть, и книги. Но на других языках. Кое-что своё, но больше с окрестных берегов. Люди нас не любят, вот мы и прячемся.

– Я бы о таком доме не жалел.

Разве что о книгах.

– Как будто здесь лучше! – оскорбляется она. – Странные

вы, волшебники! Я бы на твоём месте с ума сошла.

– Возможно, я сошёл.

Она молчит, словно всерьёз над этим размышляет. А потом говорит тихо:

– Ты мне почитать обещал. Ну?

Обещал. Чтобы не встречаться с ней взглядом. А так вряд ли ей будет интересно. На этих страницах то ли правда, то ли сказки – не всегда отличишь. Всё про хрустальные корабли да про драконов. Но, к сожалению, я каждую историю наизусть знаю. Глаза со строчек соскальзывают и опять к этой летучей мышке устремляются. Говорю и на неё смотрю. Она слушала-слушала, а потом расхохоталась.

– Ой, не могу, – всхлипывает, – кошмар какой-то! – и опять хохочет. – Хватит, пошли отсюда! И ты замёрз, и солнце садится.

Я глаза потёр – и впрямь! Буквы совсем теряются в полумраке. И лес начал оживать. Он когда оживает, даже деревья шумят иначе. Словно перекликаются. И птицы по-другому кричат. Словно умирают. Пора возвращаться на маяк. Вдвоём так вдвоём. Лучше одна нечисть, чем свора.

– Ты, в самом деле, будешь на сундуке жить? – спрашиваю я, заперев дверь. – Если останешься, ложись на кровати. Сейчас найду, что постелить.

– Мне и в сундуке удобно, – отвечает из темноты шелестящий голос, – А что ты такой добрый?

– Тебя злить не хочу. Просто забудь обо мне, сделай такую

милость.

Сумерки уже загустели во всех четырёх окнах, и угли в жаровне почти дотлели. Так что лица гости не разглядеть. Но прошуршала она совсем близко. Косой задела.

– Ложись нормально. Я на охоту.

– Уже? – выдыхаю я с надеждой.

Если она насытится, глядишь, и возвращаться раздумает! Я не спорю, что в одиночестве тоска загрызёт. Но от подобного соседства меня тихий ужас охватывает. А то и кричать начну.

– Таким, как я, голодать не вмоготу, – растолковывает она, – что угодно, только не голод! Но днём мне трудно превращаться, я днём слабею. Непременно надо часок-другой в полной темноте отдохнуть. Затем и сундук. Если надумаешь со мной по квитаться, то лучше при свете солнца, когда я сплю. Найдётся у тебя столовое серебро?

Откуда бы такие излишества?

– Лети уже, – отмахиваюсь я, – не могу больше слушать. Дверь отпереть?

– Для чего? — не понимает гостя. — Я и в окошко пролезу.

Наконец, её стало видно – узкий силуэт на фоне неба. Выглянула наружу и ахнула.

– Тебя каждую ночь так сторожат?

Я даже голову не стал поворачивать. Ясно, что чёрные вокруг шастают.

– Да, – отвечаю, – оборотни навещают регулярно. Что, прямо ими отужинаешь?

– Зубастые больно! – ворчит она, – я лучше в лесу порыскаю. Ну, глазеть будешь или отвернёшься? Ты как к превращениям относишься?

– Пока не решил. Превратись, тогда скажу.

В конце концов, она себя будет превращать, а не меня. Не каждый день видишь настоящую магию!

Превратилась... Резво так! Скок с карниза – и нет её. Только ветер от крыльев. Страшновато, но жить можно. Я же стоять остался, не упал! Только зря в жаровню вцепился. Ничего, подул на пальцы, прихватил одеяло и отправился включать маяк. Подлил синей воды в лампу, помахал Пером, чтобы свет загорелся. Налетайте, чёрные, развлечение вам! Поглядел, не плывут ли корабли? Нынче особенно хотелось, чтобы приплыли. Но их всё нет и нет. И волки внизу кишат. Вот куда отсюда денешься ночью? Да и днём тоже.

Не найдя решения, я сполз по стеночке на одеяло. Посидел немного, руки стиснул между коленей, чтобы не дрожали. Это уже совсем несерьёзно! Что я, мало тварей видел? Хоть сейчас гляди! Но я всегда старался держаться от них на расстоянии. И такие, как эта летунья, у нас не водились. Может, в её родных краях все на неё похожи? Там, где вокруг только пустые острова... Теперь они и сюда добрались. Надо что-то делать, а я сижу, вцепившись в Перо. Всё же оно тёплое, и свет от него мягкий, золотистый. Всегда ублаживал.

Правду сказать, у лампы не заночуешь! Жарко, и глаза режет. Лучше вернуться в кровать и сразу заснуть. Там и утро.

Заснёшь тут! А если моя нечисть не отыщет подходящей еды и вернётся некормленная? Я решил, по крайней мере, не раздеваться. И нож не выкладывать из кармана – вообще никогда. Спустился в потёмках по лестнице, лёг. Подскочил, заорал, чуть не скатился на пол.

– Опять подбираешься?!

Мрак непроглядный, но я же чувствую её рядом! Одна радость, что крылья исчезли. Но и платье тоже.

– Успокойся, я сытая, – незримо улыбается нечисть. – Так какой смысл тянуть с приятной частью? Не попробуешь – не узнаешь! Вдруг нам обоим полегчает?

И горячая, как печка! Это у неё сытость так проявляется?

– С чего я должен верить, что полегчает? – бормочу я, нащупывая ножик. – Я тебя в первый раз вижу! А сейчас даже и не вижу. Вдруг ты опять за кровью явилась?

Отодвинулась. Села, кажется. Волосы по всей постели рассыпались, а глаза посверкивают бледным огнём. Так иногда ночами светятся волны, из самой глубины. Сверху заметно, как в них шныряют медузы – видимо-невидимо. Самые крохотные с меня ростом. Красота несказанная! А тронь воду, и кожа сойдёт до мяса.

– Не стану я тебя кусать, – вкрадчиво обещает гостья, – разве что сам попросишь.

Да чтоб её! Хоть бы моргала. Я обмираю, предчувствуя

неминуемый подвох.

– Зачем о таком просить?

– С магией у тебя посредственно, а так летать сможешь. Сотни лет напролёт.

Она это объясняет и легонько скребёт по простыне коготками.

– Ты столько живёшь? – не могу я поверить. – Поэтому такая умная?

– Не живу, а существую, – поправляет она, втянув когти, – и умная не поэтому. Если хочешь, я объясню, только тебе не понравится. Мы память выпиваем заодно с кровью. Обычно сущая чепуха перепадает. Забываешь её, как давний сон. Но случаются и полезные сны.

Вот это мило! Прямо оторопь берёт от таких откровений. Для чего она мне это рассказывает, за что?!

– А зачем... — я не сразу заканчиваю вопрос, так как язык присыхает к нёбу. — Зачем ты меня расспрашивала, если уже укусила?!

– Но ты же ещё не умер! – обижается гостья. – Так откуда мне про тебя знать?

Я откидываю голову на подушку и слежу за конусом синего света, скользящим по потолку. Собираюсь с духом для ответа. Но ответить могу только шёпотом:

– Завидное будущее предлагаешь! Каждую ночь жертвы. Сердце не бьётся, взамен снов – чужие жизни. И все мысли про кровь. Даже джема не поешь! Помереть лучше.

– Таков наш мир, – ухмыляется она, – выбор – роскошь.
Ну не паршивка, а?

– Я вот родилась мёртвой, – выдаёт она преспокойно, – худо-бедно справляюсь. Полы же помыла! И говорить могу, и думать. И женой быть могу.

Поверю на слово.

– Как бы не так! Где жена, там и дети. Что мне их, солить тут? Одно зверьё же кругом!

– Дети со мной будут охотиться, если что, – хихикает гостья, – да ты погоди до детей-то!

– И так нечисти полон лес! – повторяю я упрямо. – Куда ещё плодить? Лучше не подходи.

Она плечом повела – волосы на спину перебросила. А они так и льются на пол смоляным водопадом.

– Как близко не подходить? – уточняет. – Здесь не больно-то развернёшься!

– На расстояние вытянутой руки. Для начала.

А то мне всё время кажется, что она клыки нацеливает.

– На длину руки? – удивляется. – Чтобы детей не было?!

И опять хохочет. А у меня озноб по хребту от этого смеха. Уже и на пол прыгнула, а всё смеётся.

– Ладно, – обещает, – не трону! Завтра начнём алфавит учить.

– Что учить?!

Она перестала смеяться, но, чувствую, опять подошла. Уселась у кровати и голову на подушку кладёт. Я отодвинул-

ся – мы ведь обговорили правила.

– Буквы покажешь? – спрашивает. – Буду читать книжки и осваивать ваш язык.

– Не наш, а мой. Больше на нём никто не разговаривает, — предупреждаю я, стискивая ножик.

– Ну вот я буду с тобой разговаривать, — обещает гостя. — Ты ведь мой муж, что бы это ни значило.

– Ничего это не значит, кроме вашей кровожадной магии.

В ответ доносится глухое шипение:

– Почему – нашей? Ты сам мне имя дал!

– Это не имя.

– И в дом позвал.

– Это не дом, это маяк.

– Но ты же зажигаешь маяк? – не сдаётся гостя. – Я на него и летела.

– Так ведь я не для тебя его зажигаю!

– Ну почём ты знаешь, для кого?

Синий луч ненадолго задевает окно и скользит по её лицу, а потом снова настаёт мгла. Лампа поворачивается бесшумно. Слышно только, как ветер плутает в скалах и беснуется внизу нечисть.

– Я вообще ни о чём не хочу знать, – произношу я сквозь зубы, – я спать хочу. Спокойно.

– Зачем же, – изумляется она, – ты спасаешь кого ни попадя?

– А зачем ты кусаешь кого ни попадя? Думаешь, только

на тебя дурь находит?

– Как знаешь, – ворчит она, отползая. – Смотри не порежесь ненароком, ножик уж больно острый. А кровь надо беречь.

Надулась. Ушла в свой сундук и крышкой хлопнула. А говорила – только днём спит! Я подождал немного – вдруг опять вылезет? Нет, тихо всё. Выпустил нож, пошёл к умывальнику, зачерпнул воды. Одну кружку выпил, другую вылил на голову.

Угроздило так вляпаться, а? До сих пор трясёт! От холода, не иначе. Она же не мёрзнет, вот и не затворила раму! И подоконник попортила. При синем свете на белой краске проступают глубокие борозды – от тех когтей, что у неё на задних лапах. Дерево пропарывает, как масло! Ножом эту летунью не возьмёшь, без толку. И Пером не возьмёшь.

Глядя в осеннюю темноту, я прикидываю, не спихнуть ли её вместе с сундуком в море? В океан, который как шар. Так ведь крышку выломает! И неразумно это – сперва вытаскивать, потом топить обратно. Ради чего тогда было мучиться? Особого вреда она мне не причинила. Прибирается, тоже польза. Правда, убивает каждую ночь кого придётся. Но такова её сущность, верно?

Почесав на горле след от укуса, я запираю окно и возвращаюсь в ледяную постель. Подушка миглом намокает от волос, нож мешается в кармане. Я кутаюсь в волшебное одеяло, но мне всё равно зябко. И запах чужой остался, тревож-

ный, как от близкой грозы. И рассвета ждать не хочется – первый раз в жизни. Так и маюсь до утра. Слежу, как скользит по стенам синий луч. Гляжу, как серые тени разбегаются от луча. Слушаю, как терзают друг друга чёрные волки. Глаза начинают слипаться, лишь когда небо в окнах светлеет. Я хочу, чтобы мне привиделись кружевные корабли в невесомой пене. Но мне ничего не видится, словно лишённой снов твари. Так, чернота одна. Чернота и холод.

Глава 2

День настаёт медленно и неохотно, так как тучи заполонили весь небосклон. Но всё-таки тени уползают за лес, а зверьё разбегается. Сундук молчит, и я не осмеливаюсь его коснуться. Не буди лихо... Я гашу маяк, завтракаю жареной рыбкой и печеньем с джемом и дочитываю про вчерашних драконов. Я давно взял за правило проходить страницу в день. Учил бы больше, но от этого книги быстро кончаются, заставляя возвращаться к началу. А так можно долго думать над каждым словом. Спускаясь по лестнице, я размышляю над тем, что драконов покрывала золотая чешуя. Любопытно, что имелось в виду – только цвет или это действительно было золото? И могли бы в самом деле существовать драконы?

Перед дверью я прислушиваюсь, но не различаю ни звука и отваживаюсь выйти на берег. На камнях следы незаметны, но песок у воды изрыт множеством лап. Тут и там виднеются пятна крови, которые уже замыкает прибой, а за маяком растянулся волк. Определённо, мёртвый, а то бы он перевоплотился. Догрызлись-таки! Что-то они особенно расшвирители сегодня.

Мне уже приходилось закапывать оборотня, причём в мёрзлую землю. С тех пор я им заранее готовлю яму. Но тот волк был весь истерзан. А этот почти целый, можно снять

шкуру. Зимой пригодится.

В задумчивости я обхожу тёмную тварь. Когти и зубы пугают даже сейчас, но жизнь вытекла из разодранной глотки, оранжевые глаза потухли и затянулись смертной пеленой. Кем он был, интересно? Лучше не знать. Лучше поискать хороший нож. Ах, да, нож и так в кармане! Потом опилок набрать, поглядеть, остался ли уксус... Минут через десять я приступаю к работе и радуюсь, что работы хватит до ночи.

– Каждый день кого-то потрошишь? – произносит шуршащий голос у меня за спиной.

– Здесь кровь, – предупреждаю я, не оборачиваясь, – не потеряй голову.

– Мёртвая кровь меня не волнует, – заявляет она, обходя тушу, – не понимаю, как можно питаться падалью!

Вчерашняя гостя надела другое платье – белое в цветок. Но выражение глаз не поменялось.

– Я не стану его есть, – говорю я ей в утешение.

– Нет? Почему?

Почему? Вряд ли оборотни приятны на вкус. Боюсь, даже магия в них отравлена.

– Я ведь человек всё-таки. Не представляю, как можно питаться людьми!

– Если ты сам человек, то, конечно, не представляешь, – глумится нечисть. – Хочешь, вместе его обдерём? А то стухнет, пока ты справишься!

Вместе дело идёт быстрее. С её-то когтями! Останки обо-

ротня мы перетаскиваем к яме. Закапываю я его честь по чести, чтобы никаких претензий. Возвращаюсь, а моя помощница уже закончила со шкурой и даже не запыхалась. Она вообще не дышит, по-моему. Но за платье переживает:

– Жаль, что запачкала!

– С синей водой отстирается, – обещаю я, разматывая верёвку.

– Эта вода прямо на все случаи! – дивится гостья. – А есть её можно?

– Нельзя, – бросаю я хмуро.

Пить можно. Покойный папаша этой жидкости потреблял больше, чем маяк. Что и сподвигло его пуститься в плавание. Может, он драконов каких начал видеть – кто же знает?

Чтобы не вспоминать о грустном, я возвращаюсь к делу. Шкуру надо растянуть так, чтобы ночью её оборотни не подрали. Я уже и место присмотрел – над тропинкой две ветки нависли одна поверх другой. То, что надо. В последний раз я по деревьям лазал мальчишкой, но и теперь бы справился. Если бы эта насмешница отвязалась.

– Давай, я заберусь, – упрасивает, – мне легче!

И раз – на когтях вверх по стволу. Проворнее кошки.

– Что стоишь? – поторапливает. – Кидай, я поймаю.

Спорить готов, да не с кем – эта хитрюга нарочно встала у меня над головой! Но я упорно смотрю на горизонт, закрепляя узлы. Так упорно, что чуть не приматываю ей ногу.

– Эй! – вскрикивает она, поджав ступню. И спокойно сто-

ит на одной ножке, ни за что не держась.

– Умница, – подмечаю я, – имя выучила.

Она отбрасывает за спину косу и садится рядом с растянутой на ветках шкурой.

– Снимешь меня?

– Ты и сама спрыгнешь.

– Так камни же! – колеблется Эйка.

Я ставлю её на землю, и смертоносные зубы оказываются в опасной близости от моей шеи.

– Обувь носить не пробовала?

– А по деревьям как лазать? – не понимает она. – Тут либо удобство, либо польза! Тебе надо ещё помогать или хватит? Я боюсь, что солнце проглянет, мне бы в сундучке переждать.

– Иди, – разрешаю я с облегчением, – только ближе к воде, там камни гладкие.

Провожая взглядом ночную нежить, я всё равно беспокоюсь, как бы она не повредила ногу. Чепуха! Её с любой высоты кидай, ничего не сделается.

С наступлением сумерек Эйка выбирается из сундука уже в жёлтом платье. И мы устраиваемся за столом. Стёкла запотевают от вечерней прохлады. Закат догорает вдалеке нитью расплавленного золота. Я зажигаю светильник и рассказываю про алфавит. Эйка забирается с ногами на стул и рассказывает про дальние острова. Ни от того, ни от другого нет ни малейшей пользы. Зато не скучно.

* * *

Примерно с месяц всё идет более-менее. Эйка питается раз в стуки, ночью. Потом спит до полудня. Снятую с обортня шкуру я постелил в сундук — для уюта. Ещё гвозди прибил — платья вешать. И расчистил пару полок. Правда, Эйке нечего туда класть, разве что гребешок. И челюсть какой-то зверюги с зубами в три ряда. Сказала, что нашла эту кость в лесу. Как было на самом деле, не хочу знать.

Временами она и мне что-нибудь приносит с охоты. Не обязательно съедобное. Хотя заяц был неплох. Мы не сразу сообразили, как его готовить, но в результате он стал похож на еду. Мне бы ещё три ряда зубов, чтобы справляться с такой пищей!

Намаявшись с зайцем, пробовать ягоды из того леса я отказался. Они были волосатые и пахли тухлятиной, но Эйка, как я уже понял, абсолютно не отличает съедобное от несъедобного. Только живое от неживого.

Но если не цепляться к мелочам, вдвоём стало веселее. И поговорить есть с кем, и прогуляться. Только гулять надо в час между солнцем и волками. Хорошо, что осенью дни короче! Плохо, что дожди начинаются раньше обычного. Я засыпаю под шорох капель и просыпаюсь под него же. И так привыкаю к этому, что очередным ненастным вечером пропускаю перемену звука. Лишь через несколько минут я соображаю сквозь сон, что слышу не шум воды, а шорох кры-

льев. Бабочки налетели, чтоб их!

Эта пакость всегда оживляется после сильных дождей. Видно, их в норах заливают или у них гон по осени. Но они как видят маяк, тут же стараются так облепить лампу, чтобы ни один луч не просочился. Тупые, но подлые.

Я пытаюсь распугать их криками, но бабочки обнаглели и меня не страшатся. Остаётся запалить факел и гонять их огнём. Полночи я бегаю вокруг лампы за этими вредителями. А они размером с хорошего зайца, между прочим! И кусают будь здоров. Злобные создания отступают, лишь когда я поджигаю троих. Пылающие мотыльки тонут в черноте под маяком, как синие звёзды. Я сам чудом не сверзился вниз в горячке боя, но теперь могу собой гордиться. Настроение немного портит истощное верещание гибнущих бабочек и радостное урчание волков. И то, что вновь начинается ливень.

Можно было не трудиться! Я ловлю языком дождевые капли и ухмыляюсь сам не знаю чему, когда Эй поднимается на площадку.

– Я вернулась, а в комнате пусто, – поясняет она, отжимая мокрые волосы. – И оборотни кого-то рвут... Тебя тоже поели?

– Нет, я бабочек гонял. Не приближайся, если ты голодная.

– Я не голодная, – произносит она, помедлив, – а ты скоро станешь несъедобный. Пошли, а то столько крови пропадает,

смотреть тошно!

В комнате при нормальном освещении Эйка кажется такой бледной, что, наверное, не врёт про тошноту. На самом деле кровопотеря ничтожная, но эта чудачка трясётся над каждой царапиной, и спорить тут бесполезно. А вот перевязывать она не умеет и четыре пустяковые ранки обрабатывает целый час, отбегая к окну проветриться.

– Зачем ты себя изводишь? – спрашиваю я, устав от этого мельтешения. – Бабочки на меня сто раз нападали. Как-то справлялся.

– Я тоже хочу справляться, – упирается она, – кажется, я уже меньше боюсь.

– Чего? Укусов? – усмехаюсь я, натягивая целую рубашку.

– Тебя, – вздыхает Эйка.

То есть вот так вот – она не дышит, но умудряется вздыхать.

Я застываю в понятном недоумении.

– А ты меня боишься?

– Ничего не могу с собой поделать, – признаётся она, глядя на дождь в окне, – я всего лишь творение магии, а ты творишь саму магию. Ты одним росчерком пера способен всё изменить.

– Что изменить? – поражаюсь я.

– Что захочешь.

Вроде бы, она удостоверялась, что чародей я никудышный.

– Это просто вещь, – разъясняю я, достав из-под подушки Перо, – им можно записать заклинание, но... Это просто вещь. Потрогай, если хочешь!

Она колеблется, потом нерешительно протягивает руку, но сразу её отдёргивает. Искры сыплются с пальцев, и Эйка обиженно шипит.

– Извини, я не знал, – пугаюсь я, поспешно пряча Перо, – знай я больше, помог бы тебе.

И себе заодно.

Она хмуро разглядывает оплавленные когти:

– Вот как? Мне нужна помощь?

Непогода продолжается всю неделю. Мне слегка нездоровится после встречи с бабочками, и большую часть времени мы с Эйкой без дела валяемся на чёрной шкуре, расстеленной на полу. Я учу её читать, записывая в воздухе слова волшебным Пером. А потом откапываю на пыльной полке забытую игру – по расчерченному на полосы голубому простору скользят белые и алые кораблики. Половина флота давно запропастилась куда-то, но так даже интереснее. Можно на ходу выдумывать правила. В перерывах между морскими боями мы болтаем или слушаем дождь, и я соглашаюсь съесть на спор одну волосатую ягоду. Они не вредные, нет. Но такие кислые, что я до вечера не могу отплеваться. И голова с них кружится.

На третий день дождь ненадолго прекращается – как обычно, под вечер, и мы решаем пройтись по берегу. Если

туда и обратно, как раз успеем до ночи. Снаружи сыро и холодно, но дышится легко. Эйка не дышит и не мёрзнет, и безмятежно ступает босиком по ледяному песку. Меня от этого по-прежнему передёргивает, но ей виднее. Или нет. На полдороге она спотыкается и хватается коготками за мой локоть. До скал мы идём, держась за руки, а потом устраиваемся на прибрежном валуне. Камень мокрый и скользкий, но Эй опирается на меня, а я греюсь об неё, и закат кажется бесподобным.

Немного потерпев солнце, Эйка отодвигается в тень скалы и спрашивает про корабль, который сел на рифы неподалёку отсюда. Вечерний свет вспыхивает золотыми искрами, проходя сквозь него, и мираж пылает живым огнём. Я начинаю объяснять, что судно давно разбито и сколько ни пытайся к нему приблизиться, всё время что-то разворачивает назад. Но это не страшно. Может, мы ещё увидим другие корабли – живые, а не призрачные.

Эй щурится на солнце, пробившее толщу грозовых туч. А потом спрашивает, что я имел в виду, когда сказал, что хочу ей помочь? Я неточно помню этот момент. Я говорю:

– Ну, мало ли. Вдруг колдовство подскажет, где твой остров?

– Думаешь, я горю желанием вернуться? – мрачнеет Эйка. – Зачем? Тут полно еды! И разве ты отправишься со мной в такую даль?

– Ты бы не звала меня, не будь между нами Связи. Но,

возможно, есть средство и от неё, – предполагаю я, швыряя в воду ракушки, – даже сильная магия – это всего лишь магия.

– Я тоже – всего лишь магия? – настораживается Эй.

– Не ты. А чары, которые тебя держат, — пытаюсь я объяснить. — Ты говорила, что вынуждена пить кровь. Разве тебе не хочется освободиться от этого?

– Нет, – отвечает она, прожигая взглядом мёртвый корабль. – Я всем довольна.

– Потому что твои мысли скованы.

Эйка скалится, обратив ко мне тёмные, как пропасть, глаза:

– Да неужели? Значит, ваши страшные чары не дают мне шевельнуться? Ну, тогда сам убирайся!

Она толкает всего раз, и я скатываюсь с камня. Внизу песок, но от удара из лёгких вышибает весь воздух. Я вижу над собой лицо Эйки, одновременно сердитое и испуганное, а пошевелиться не могу. Пока не вспоминаю про Перо в кармане. Я нашариваю его, прежде чем ощупать кости, и осторожно выдыхаю, держась за грудь. Целое! Можно жить дальше.

Эй уже выпрыгнула из тени на солнце, но теперь настороженно застыла, следя за моими руками.

– К чему такие... Порывы? – откашливаюсь я, пряча Перо за пазуху. – Если тебе надоело моё общество, просто скажи... Со сломанной спиной я точно никуда не уйду.

– Ты и так не уйдёшь! – заявляет Эй. – Ты прикован к

своему маяку.

– Долг есть долг.

Садясь и выплёвывая песок, я мысленно подбираю более внятное объяснение. И отчаиваюсь подобрать.

– К сожалению, тебе не понять. Но, к счастью, это не твоё дело.

– Теперь моё! Раз я обязана к тебе возвращаться, – не унижается Эйка.

– Это горе, да. Но почему бы не нести его стойко?

Украдкой я поглядываю на лес. Солнце уже чиркнуло по горизонту, и тени деревьев протянулись через берег к воде. Пора прятаться, но я не двигаюсь с места. Злюсь на себя, злюсь на неё и безуспешно пытаюсь отряхнуться от мокрого песка.

– Что тебя бесит? – не могу я понять. – Никто не говорит, что надо жить счастливо. Но отчего бы не жить мирно?

– Отчего?! – ветер бросает волосы ей в лицо, Эйка сердито откидывает их за спину, и чёрные пряди разлетаются по воздуху грозovým облаком.

И в общем уже понятно, что всё это ей не нужно. Я имею в виду маяк и корабли. И платье в голубой цветочек смотрится на ней нелепо, также как бусы из ракушек. Всё безнадежно. Я это осознаю одним мигом, и тоска ударяет вместе с первым порывом зимнего холода. Но я жду ответа.

– Что тебя больше бесит? – передразнивает Эй. – То, что я кровожадная тварь или то, что я приковала тебя к себе?

Что бы ты хотел подправить в первую очередь?

Я всё-таки встаю, цепляясь за скалу, но левая нога отзывается острой болью.

— При чём здесь мои желания? — спрашиваю я, потирая колено. — Лишь бы ты была сыта и довольна! Кстати, отойди в тень.

— Сама разберусь! — скалится Эйка. — С чего ты взялся командовать?

— А с чего ты злишься?

— С того, что я тварь, — с готовностью подсказывает она, — в этом моя природа.

— Хорошо, — киваю я, чуть подумав.

Тропинка совсем узкая, но Эйка не спешит посторониться. Мне приходится опереться на камень, чтобы удержать равновесие. Я гляжу на Эй, она глядит на меня, и это длится довольно долго. С небес опять начинает капать, но кому какое дело?

— Что именно тебе хорошо? — наконец, осведомляется Эй.

— Хорошо, будем жить в кошмаре, — поясняю я, стараясь не думать о наступающей ночи и близкой зиме, — можно теперь пройти? Или подаришь меня оборотням?

Лицо Эйки на секунду искажает судорога, как будто она хочет превратиться. Но она только бросает:

— С тобой невозможно говорить.

— Да, это не моё, — соглашаюсь я, ловя на ладонь дождевые

капли, – у меня одно дело – зажигать лампу. Разговоры для этого нужны. Скорее наоборот.

– И для Связи наоборот, – кривится Эйка, – её не за тем придумали.

Я вообще не знаю, для чего её придумали. Я...

– Я вообще не знаю, для чего её придумали. Я сказал, что хочу избавиться от проклятия, а не от тебя, Эй. Мы могли бы сами решить, как лучше.

Слова заканчиваются, и я смотрю уже не на неё, а на то-нущие в дождевой завесе обломки судна.

– И какое это будет решение? – осведомляется насмешливый голос. – Если хочешь, я растолкую, для чего нужна Связь. Такие, как я, гибнут нечасто, но всё же гибнут. Особенно если идёт война. А сами мы размножаться не способны. Можно обращать живых, но с этим полно мороки.

– Войны давно нет.

– Ну и что? – огрызается Эйка. – Я тебе объясняю, для чего нужен один живой в паре! Вот за этим и придумана Связь, она сразу решает все вопросы.

– Видимо, не все. Если ни тебе, ни мне нет покоя.

Я бы и дальше смотрел на океан, но там смотреть некуда, одна мгла. Неподъёмные сизые волны кидаются на берег в надежде раскрошить камень. Когда-нибудь раскрошат – и что дальше?

– Действительно, загадка, – Эй делает ко мне шаг и задумчиво наклоняет голову, – наверное, я ослабла от долгого пе-

релёта и плохо тебя укусила.

Мне неприятен этот тон, и я пытаюсь отодвинуться, то есть вжаться в камень, но она продолжает тем же ласковым голосом:

– Или вы, волшебники, плохо подчиняетесь чарам? Кто знает! — продолжает она вкрадчиво. — Если наши и кусали магов, то в живых не оставляли. Слишком опасно.

Я вглядываюсь в сумрачные глаза, но не ощущаю, что утопаю в бездне, как это было в первый день. Мне просто интересно. И слегка страшно. Я начинаю думать, что это очень близкие чувства.

Эй всё-таки останавливается. Вплотную ко мне. Я бы ощутил её дыхание на своём лице, если бы она дышала. А так я ощущаю лишь идущий от неё жар. Дождь льёт всё сильнее, но Эйка совершенно сухая, только пар от неё поднимается. Если она волнуется, злится, или сытно поела, то способна обжечь.

– Или, – договаривает она шёпотом, – дело в том, что я не пытаюсь?

И давай смеяться. Страсть до чего непростые создания, кто они там...

– Пойдём уже домой, – урезониваю я её, – сейчас тут грязи будет по колено.

А эта чокнутая всё стоит под дождём и хохочет. Прислонилась к камню возле меня и заливается.

– Ильм, – еле выговаривает она, – ох, Ильм, да ведь в том-

то и дело! Вы нас любить не можете. И мы не можем любить!

— Почему? — удивляюсь я. — Вас же из людей сделали!

— Потому что мы иначе устроены, — объясняет Эйка таким тоном, словно тут нечего объяснять, — потому что мы мертвы и у нас не бывает живых чувств. Зато нам дана Связь.

Не могу больше слышать это слово!

— По-моему, у тебя всё в порядке с чувствами, — отмечаю я шёпотом, — у тебя с головой не в порядке, но тебе, наверное, в жизни досталось.

— Только переживать за меня не надо, — сурово предупреждает Эйка.

Осенний шквал треплет лёгкое платье, так что видны все изгибы её фигурки, и я снова отвожу взгляд. Если бы Эй мёрзла, было бы естественно её обнять, а так я не нахожу повода.

— Это так обязательно — видеть нападение в любом слове? — я всё-таки перехватываю взгляд Эйки и стараюсь смотреть, не мигая, как она. — Я ничего против тебя не имею, и как человек ты мне нравишься. Просто я тебя понять не могу.

— Нравлюсь как человек? — восхищается Эйка. — А так?

За долю секунды она вновь оказывается рядом, а когти на крыльях выбивают из скалы щебень слева и справа от моей головы. Полное превращение смотрится жутко: все эти клыки, и узкие зрачки, и хвост. Я не замечал, что у неё и хвост есть! Неясно только, к чему это сейчас? Я, наверное, просто

не склонен к обморокам. Как тогда поступить? Заорать от ужаса или соврать, что так она мне больше нравится? И то, и другое прозвучит неубедительно, поэтому я тупо смотрю на неё и думаю, что не стоит гулять перед закатом.

– Истеричка, – заключаю я, отодвинув правое крыло – то, что загораживает дорогу, – поохоться, потом договорим.

Если меня не снесёт в океан. Эйка шарахается назад и бесшумно взмывает сквозь водяные струи. К маяку я хромаю в одиночестве, надеясь, что успею обсохнуть, пока она будет шнырять в лесу.

Не тут-то было! Эй уже переменила платье, переплела косу и развела огонь. И ужин взялась готовить – ты подумай! Не хочу я думать. И в комнату не захожу. Сразу тащусь зажигать лампу. Я и так уже опоздал, а погода ненастная. Кораблю легче лёгкого наскочить в потёмках на скалы. Сегодня я не проверяю, насколько пустынна океанская даль. Переодеваться тоже нет настроения. Ковыляя по ступеням, я пытаюсь смириться с тем, что ночь никогда не пройдёт. И дождь не пройдёт. И да, не было никакой нужды выпускать когти! Подумаешь, какие мы грозные... Я тоже кое-что могу, между прочим!

– Я тебе рыбу пожарила, – сообщает Эйка как ни в чём не бывало, – оденься в сухое, а то холодно.

Я отступаю на лестницу, но наверху больше делать нечего, остаётся плестись вниз. Нет, я возвращаюсь, забираю сковородку и только после этого выхожу на воздух. Захлопываю за

собой дверь и устраиваюсь на ступеньках. Козырёк над головой хлипкий, мокрый ветер пробирает до костей. Чудесно, так мне и надо! Я дрожу от холода и обжигаюсь о рыбу, в которую Эйка переложила соль, которую надо беречь.

Облизав пальцы, я достаю из кармана Перо и гадаю, как с помощью этой невесомой вещицы можно нагнать такой мути и наделать столько тварей? Вероятно, Перо тут ни при чём. По своему опыту могу сказать, что если нет мозгов, остальное приложится. Будут тебе и твари, и прочие... удовольствия. Правда, что ли, без чувств лучше? А то все чувства скользкие и шершавые!

Солнце, разумеется, село. Парные жёлтые огоньки посверкивают на краю леса, и чёрные тени перебегают между кустами. Не знаю, чего я тут ожидаюсь. Чего-нибудь. А тем временем тени приближаются. Они боятся Пера, но не так, чтобы слишком. Я успеваю закончить ужин и на прощание запускаю в ближайшую морду сковородкой. Достали!

Дверь я закрываю, как всегда, плотно. И запираю на четыре оборота. С ключом я никогда не расстаюсь, но в этот раз чуть не забыл его в замке. Я ощущаю резкую усталость, но нельзя ложиться, не объяснившись. Или договорить завтра, когда мы оба успокоимся?

Всё равно Эйки нет в комнате. Упорхнула на свою охоту. Я не видел, как она улетала, но окно опять настезь, и вода течёт с подоконника. Я не вытираю пол и не хочу сушить одежду. Просто стягиваю с себя всё, кидаю в угол и забира-

юсь в постель, под тёплый свет покрывала. Закрываю глаза и опять вижу бесконечную череду свинцовых волн. Что-то случилось, но я не понимаю, что именно. А вдруг она не вернётся, вдруг с ней произойдёт несчастье?

Хотя с чего бы? Эйке нет дела до ночи, бури и оборотней. Они все ей родня.

Мой сон ещё тревожнее, чем мысли. Я даже не уверен, что сплю. По крайней мере, я чётко помню её возвращение. Удар оконной рамы, шорох крыльев, а потом платья, прикосновение горячих пальцев к моим волосам, прикосновение ледяных губ к моему виску. Вообще-то, мы условились так не делать, и мне проще притвориться спящим. А то придётся опять ругаться или признать, что я её ждал.

Вернулась, и ладно. Она поправляет на мне одеяло и уходит, но я открываю глаза, лишь когда щёлкает крышка сундука. Луч маяка скользит по полу, высвечивая дорожку из водяных капель. Сверху колотит промозглый дождь, снизу ярятся волки. Я несколько раз задерживаю дыхание, унимая лихорадочный стук сердца. Я хочу, чтобы она вновь так подошла и не уходила. Пусть кидается на меня и мотается незнамо где, но пусть возвращается, это куда важнее. На секунду мне кажется, что это самое важное.

Я мог бы сам пройти эти несколько шагов по комнате. Раз уж нахлынуло помрачение. Но это у меня от долгой скуки, бедняжка не виновата, и нечего её изводить. И так всё слишком запутано. И запутывается, и запутывается... И из пута-

ных мыслей я проваливаюсь в такие же путанные сновидения.

Глава 3

Наутро я просыпаюсь с тяжёлой головой и лёгким жаром. Дождь не прекращается, ветер так и швыряет его о стёкла. Я гашу маяк, но не зажигаю свет в комнате, хотя темень стоит, как ночью. Припадая на разбитую ногу, я брожу вокруг стола, лакоплюсь джемом из банки и силюсь вспомнить, о чём мы спорили накануне? Мне беспокойно и хочется перекинуться с Эйкой парой слов. Или помолчать, раз для разговоров я не гожусь. Она могла бы не спать сегодня так долго, солнца всё равно нет!

Я расставляю на доске стеклянные кораблики, читаю и жду её пробуждения. Перелистываю семнадцатую книгу и натыкаюсь на главу про подводных чудищ. Самое то для тёмного, залитого водой дня. Я ложусь головой на книгу, смотрю на дождь и продолжаю ждать. Я бы постучал в крышку сундука, но я никогда не бужу Эй. Не уверен, что можно так делать. Да и причины нет. Кроме дождя и лихорадки.

Ближе к вечеру я устаю сторожить и засыпаю. Но спать, сидя за столом, неудобно, и меня не оставляет мысль, что спать нельзя. А потом я прихожу в себя под нескончаемый шелест дождевых струй. И вижу шипастую морскую тварь с распахнутой пастью. Картинка слабо светится в темноте, и больше вокруг ничего не видно. Я вздрагиваю от неожиданности и едва не падаю со стула. Потом смеюсь над собой и

отправляюсь зажигать маяк. То ли будильник не звенел, то ли я его не слышал. Всё сегодня не так.

Вернувшись в комнату, я решаюсь постучаться к Эй. Но ответа не получаю. Она намерена вставать или нет? Неужели и есть не будет?

Открыть – не открыть? Я распахиваю сундук и отскакиваю на два шага. Лишняя предосторожность – внутри её нет. А где есть – непонятно. Эйка могла выбраться, пока я дремал, но обычно она не улетает так рано. И окно за собой не закрывает. Теперь мы не только общаться не будем, но и видеться?

Так не пойдёт. Я обещаю себе, что в этот раз её не прозеваю и устраиваюсь в сундуке. Не захлопывая крышку, разумеется. В полубреду проделка кажется мне удачной. Эйка непременно что-нибудь скажет по этому поводу. Ей придётся подать голос.

У меня очень странное чувство – будто её отсутствие разит наповал. Или Связь так действует, или надо меньше шататься под осенним дождём. Подняться со skóry я уже не могу. Хотя на ней ужасно жарко, ужасно. И в сундуке душно. Как вообще можно в нём находиться?

Я пытаюсь выкарабкаться, но теряю силы и опять проваливаюсь в сон. Или в забытие. Время куда-то пропадает, а мысли перетекают в бредовые видения. Мне грезятся разогретые до кипения океанские волны, швыряющие на берег трупы чудовищ, алые от крови белые корабли, золотые дра-

коны, сгорающие в чёрных небесах... Это длится дня три. Во всяком случае, я трижды поднимаюсь зажигать и гасить маяк. Больше я ничем не занимаюсь. Только пытаюсь сообразить в минутных просветлениях, куда подевалась Эйка?

Мы что, поссорились? Я велел ей выметаться? Вроде бы нет. Я не могу собрать в голове наш злополучный разговор, я уже не уверен, что она возвращалась той ночью. А ну как и это померещилось?

Чтобы меньше мерещилось, я рискую хлебнуть синей воды. Тут важно не напутать с количеством. Я отмеряю четверть стакана, потом полстакана, выпиваю залпом и прихожу в себя в том же сундуке. Под утро неведомо какого дня. Маяк я не зажигал, и, видимо, уже нет смысла, потому что светает. Такую вольность я проявил первый раз в жизни. И последний, как я немедленно себе обещаю.

Но жар отступает, нога почти не болит, и новые видения не припоминаются. Я вообще не помню эти странные дни, но в остальном разум совершенно ясен. И совершенно ясно, что дальше так не пойдёт. Я смотрю во все окна по очереди. Над лесом буря, в океане шторм. Где можно болтаться в такую погоду?

Возможно, Эйка решила жить на воле или отправилась восвояси. Но об этом она могла предупредить. Или записку оставить. Тогда бы я надеялся, что с ней всё хорошо. А теперь надо принимать меры. Обдумывая дальнейшие шаги, я проверяю свои запасы и вытряхиваю сухари из мешка. Если

приделать к мешку лямки, можно нести его на спине. В дороге положено брать самое нужное, а что мне нужно? Книжки, в них заклинания. Что-нибудь попить и поесть. Я не рассчитываю на дальний поход. Оставаться на ночь в лесу – безумие. Но на всякий случай я перешиваю тёплое одеяло, чтобы его можно было носить как плащ. Наверняка в этом проклятом лесу холодно, а меня и так шатает после простуды. Синюю воду я тоже беру – целую бутылку, больше в мешок не влезет.

Я ни разу не спрашивал Эйку, где и на кого она охотится? Ведь с этим пришлось бы что-то делать. А я, честное слово, не знаю, что. Мне всё равно не справиться с ней. И надо ли? Эйка и раньше кем-то питалась, здесь все друг друга едят. Разница в том, что она со мной, а остальные – нет. Так неужели надо было этим воспользоваться?

Почему тогда не начать с той стаи, которая приходит по ночам под маяк? Не потому ли, что это уже их мир? Я не знаю, должен ли что-то менять. И что я могу? Только безвестно сгинуть, а это неприятно. И кто станет зажигать маяк?

Да, маяк.

Я намерен вернуться к вечеру, но лампу заправляю до отказа. Прежде я всегда берёг синюю воду. Добавлял по чуть-чуть, тратил осторожно. Огонь зажигал только в сумерках и гасил, едва рассветёт. Теперь он будет светить днём и ночью. Сколько-то протянет. Потому что, если честно... Если честно, мне кажется, что из-за этой нечисти, Эйки, меня скоро

умнёт другая нечисть. Я не выдержу и дня в этом лесу, это совершенно безнадёжное предприятие.

Я её ненавижу. И ненавижу Связь.

В последний раз я плакал, закапывая отца. Потом повода не было. Когда живёшь один и с тобой всё в порядке. А вовсе оно не в порядке, оказывается, и если бы я плакал, то теперь. Надеюсь, это не значит, что Эйки уже нет.

Отправляться надо завтра – не позже. Я понимаю это, когда гляжу на чёрный океан, по которому блуждает синий луч, ища давно затонувшие корабли. Волны так разбушевались, что бьют в основание маяка. Даже оборотни не смеют подступиться. Фонарики их глаз мечутся на границе леса, там, где ветер гнёт в темноте деревья. Скоро вода затопит узкую косу, и как тогда переправляться на берег?

Это ведь только начало! Зимние шторма не раз перехлестывали маяк. По неделям нельзя было нос высунуть, пока волны стучались в окна. Хорошо, что магия не давала погасить лампу. Надеюсь, и теперь не даст. Полночи я лежу без сна, глядя, как бледный свет скользит по пустым книжным полкам и развешенным на стене платьям. Каждый промельк кажется мне ударом ножа. Нож бы не забыть, кстати... Я закрываю глаза, чтобы не следить за бессонным лучом, и в полной темноте становится легче.

* * *

Я начинаю собираться затемно, когда чёрные глазастые

тени ещё рыщут вдоль прибоя. В непогожие дни волны докатываются до леса, но сегодня удача на моей стороне. Ветер стих, дождь прервался, океан поджал кудрявые уши. Так я им всем и поверил!

Я протираю лампу – на прощание. Выбрасываю всё, что может испортиться, запираю всё, что может храниться. И выбираю в дорогу ножик подлиннее. Лучше два ножа! Под конец я перетряхиваю чёрную шкуру, не зная, как с ней быть. Она тёплая, но слишком тяжёлая. Осенью в ней взмокнешь, а зимой... Доживу ли я до зимы? Особенно если потащу такую тяжесть.

Не знаю, всерьёз я думаю об этом или дурака валяю? Покидать маяк – первостепенная глупость! Такая же глупость, как играть в кораблики с тёмной тварью. Ладно, в сущности, все мы твари. Вероятно, я ищу повод примкнуть к своим.

Пока мои мысли блуждают в заклятых далях, из складок звериной шубы выпадает нитка ракушек. Она не порвана, значит это и есть послание. Прощание... Что Эйка хотела сказать – что не намерена возвращаться? Или она так развлекается?

А мне что делать, если я уже собрался? Я стою с этими нелепыми бусами и думаю, что если с Эйкой что-то случилось, виноват я. Я что-то не так сделал или всё не так сделал. Но погибни она, я бы почувствовал, верно? Ведь тогда распалась бы Связь. Вот с какой стати я должен за неё отвечать? Проклятие какое-то!

Я плохо разбираюсь в Связи, но определённо она действует. Потому что с первым лучом солнца я запираю маяк и иду к лесу. Не оборачиваясь.

Неуёмные волны бесятся, обгладывая песчаный перешеек. Мне приходится ступать ровно посередине, чтобы не унесло в пучину. И плащ запахнуть поплотнее, светящейся стороной внутрь. Всё равно вода заливается в сапоги, но это мелочь. Я вытираю с лица солёные брызги и опасно наступаю на тень дерева у края леса. Мне кажется, что эта тень – часть неведомой магии и живёт сама по себе. Она даже колышется не в такт с ветками. Но лучше не превращать тревогу в безумие.

На поверку лес не выглядит жутким. Непонятно, откуда выползают по ночам оборотни и злобные бабочки, но сейчас тишина, застывшая меж стволов, кажется прозрачной. Слышно, как с нежным звоном падают серебряные листья. Пахнет близким снегом с горечью увядания. И птицы словно вымерли. Всё время орали так, что сердце заходило, а теперь не слышать ни одной! Или они меня испугались?

Я и сам боюсь. Мне надо помечать пройденный путь, но я не смею оставлять засечки ножом. Поэтому разрисовываю стволы белой краской. Другой у меня нет – маяк же белый! В первую очередь я ищу следы Эйки. Например, борозды от её когтей на коре. Однообразное блуждание среди пасмурного дня быстро нагоняет на меня сон. Но время до полудня есть, и я потихоньку углубляюсь в чащу. Волн здесь не слышно, я

вообще не улавливаю звуков, только собственное дыхание.

Видимо, это и есть Связь. Я больше не узнаю покоя, я буду вечно жить в полусне, бродить с утра до ночи по замершему лесу и искать, искать... Пока не умру. Сам или с чужой помощью. И во сне опять буду видеть чёрные стволы на фоне белого неба. Я уже различаю их на изнанке век: закрываю глаза и попадаю в паутину ветвей. Какое колдовство запечатано в этом месте? Или место не виновато? Никто не гнал меня сюда! Я даже не знаю, как поступлю, если найду Эйку. У меня за душой один маяк, который на дух никому не сдался. Я никогда не думал жить с кем-то и не загадывал дальше, чем на день вперёд. Вот разве что к этому походу готовился. Если говорить про мечты, то я надеялся дождаться кораблей. То есть почему – надеялся? И сейчас надеюсь!

А если рассуждать здраво, то последние корабли ушли лет сорок назад. В лучшем случае я бы дожил свой век на маяке, а потом прыгнул бы в волны, чтобы не достаться оборотням. В свете такого будущего любая девушка – подарок, хоть бы и плотоядная. И Связь – полезное изобретение. При нехватке настоящих привязанностей.

Ровно в полдень я сажусь передохнуть под дерево и черчу заключительную метку. Раз до сих пор не произошло несчастья, можно пообедать. Мне ведь ещё обратно тащиться! Распечатывая бутылку с компотом, я обдумываю, какой дорогой возвращаться? Дорога – это одно название, здесь нет ни одной тропы. Непонятно, как раньше добирались до ма-

яка.

Я жую печенье, кручу головой и вдруг понимаю, что мне казалось странным в этом лесу. Если смотреть с определённой стороны – изнутри, а не снаружи – оказывается, что деревья стоят ровными рядами. Будто их специально так посадили! Прятаться в таком лесу – гиблое дело, и мне вдруг хочется оказаться дома. Сейчас же. Как будто уже вечер и вот-вот набежит нечисть. А за надёжной дверью сухо и безопасно. Можно развести огонь в жаровне и дремать над книжкой. Нет необходимости кидаться в океан прямо сегодня.

Непонятно, откуда берётся этот испуг. Я ведь так и хотел: день проводить в лесу, а ночью укрываться за родными стенами. И пока ничто не мешает этому плану. Если шторм не усилится, я смогу вернуться. По крайней мере, в этот раз. Я вернусь. И всё обойдётся.

Чтобы уточнить направление, я достаю Перо. Хочу нарисовать простенькое заклинание для определения сторон света, но ничего не успеваю изобразить. Я только опускаю глаза, поднимаю их – и деревьев как не бывало!

Взамен леса меня обступает... Наверное, город. Очень много очень высоких домов из красно-оранжевого камня. Все дома круглые, как маяк, и выглядят необитаемыми. Я стою один посреди широкой улицы, и ветер гонит мимо меня песок – вниз, к океану.

Я как-то так... Обалдеваю от этого, что Перо выпадает из пальцев. Его несёт вместе с песком, я кидаюсь за Пером и

едва успеваю его ухватить. Это мгновенно отрезвляет, и я, наконец, замечаю, как опасно удлинились тени домов. Когда успел обрушиться вечер?! Я выхватываю из кармана будильник – и стрелки уже не там, где были минуту назад. Получается, что прошёл целый день – не случайно я устал и проголодался! Но что-то случилось со мной и с часами.

Я невольно пячусь с открытого пространства и натыкаюсь спиной на стену – холодную и шершавую, ничем не похожую на древесный ствол. Стена так изъедена ветрами, будто простояла не одну сотню лет. Я крадусь вдоль неё до входа на тёмную лестницу. Дверей здесь нет, а ступени поднимаются крутой спиралью. Невообразимо долго. Я бегу по ним, потом по гулким внутренним коридорам, засыпанным мелким красным песком, потом по другим лестницам. Толку-то! Волки наверняка не жалуются на нюх. И легко заберутся на крышу.

Неожиданно для себя я оказываюсь под пронзительно синим вечерним небом. Редкие звёзды проступают над головой, пока на горизонте догорает закат. О смерть моя, он догорает! Меня начинает трясти от страха, и я хватаюсь руками за парапет на краю крыши.

И зачем только она меня укусила, и зачем она поцеловала меня?!

Оборотни возникают ниоткуда – из узких теней, перекинутых между домами, из сумрачных подворотен, в которых вихрится песок. Я словно бы слышу трение песчинок, и ти-

хий звон кажется знакомым. Он похож на шорох осенних листьев или шелест старых страниц. Город появился из леса так же, как бабочки появлялись из дождя. Теперь вот черёд волков. Они заполняют всю улицу, и живая чёрная река по-сверкивает оранжевыми огнями. Прямо подо мной, вокруг здания, это течение образует водоворот. Обратни кружат там и насканивают друг на друга, но не заглядывают внутрь. В какой-то момент мне приходит в голову – вдруг они не видят дверных проёмов? Вдруг им кажется, что кругом деревья?

Надо сесть и не высываться, но я не могу оторвать взгляд от чёрной стаи. Сколько их! Как всегда, они торопятся к маяку. Значит, и я сумею туда попасть. Если идти днём, а ночь переждать в покинутых домах. Я не уверен, что выберусь на тот же берег, и это пугает больше всего. Но океан никуда не делся – за городом простирается беспросветно-тёмное пространство. По одну сторону. С противоположной стороны улицам нет предела.

Я провожу на крыше несколько часов и убеждаюсь, что ждать нечего. Пора подыскать закрытое от ветра помещение и отдохнуть перед дневным переходом. Наверное, так, да?

Я не представляю, кто может прятаться в каменных скелетах, но всё-таки спускаюсь на этаж ниже и забиваюсь под лестницу. Если полезут, побегу наверх. Или вниз – смотря, откуда полезут. Утешившись столь безупречным расчётом, я заворачиваюсь в плащ и неожиданно ощущаю себя дома.

Всё, как надо: ветер, тьма и оборотни. Мне становится почти смешно. Я натягиваю на голову капюшон с блуждающими по изнанке картинками, прижимаю к груди Перо и засыпаю с надеждой, что назавтра морок развеется.

* * *

Как бы не так. Я пробуждаюсь в царстве песка и камня от того, что стонут все кости. И тут же поражаюсь своей вчерашней беспечности. А если бы меня сожрали ночью? При свете Пера я давлюсь походным завтраком, пытаюсь выловить из магических текстов полезное заклинание. Чтобы сделать дверь, например. Накануне я целый город сотворил – разве нет? Я великий чародей! Кому бы похвастаться?

На самом деле я не думаю, что нечаянно создал город. Однако, все эти дома откуда-то взялись. Или давно тут были. Почему мне никто не сказал про них?! Всё это великолепие воздвиглось не случайно, когда я достал Перо. Но сколько бы я ни крутил его в руках, убирая и вынимая снова, картинка не меняется. Видимо, вход без выхода.

Я закладываю в книгах пару страниц, которые могут пригодиться, и снова поднимаюсь на крышу. В зыбком розовом свете раннего утра предо мной расстилаются те же мёртвые кварталы. Или слегка другие, но похожие. Что-то постоянно меняется в этом осыпающемся мире. И океан теперь отделяет высоченная каменная стена. Не представляю, как по ней карабкаться! Зато берег стал чуть ближе. Основательно по-

размыслив, я решаю идти по центральной улице в надежде, что на другом её конце есть ворота. Заодно буду искать Эйку.

Если она промышляет среди развалин, то днём должна прятаться. Поэтому днём я обхожу дома – сперва опасливо, потом монотонно. А по ночам Эйка охотится. Ночью я вынужден спать и прятаться от волков. Но я регулярно проверяю, не мелькнёт ли в чёрных небесах чёрная тень? Пока не мелькает.

В пасмурную погоду высовываться из окон ещё терпимо. К кровожадным стаям в переулках я притерпелся. Они воют и бесятся, оставляя кровавые следы на мостовой и стенах, но в гости не просятся.

Но в ясные ночи город страшит иным образом. При лунном свете становятся видны чёткие тени домов. Не развалин, а стройных высоких зданий со шпилями, балкончиками и флажками. В окнах этих теней брезжит неверный свет, а иногда мелькают человеческие фигуры. Даже в том проёме, у которого я стою. Это нагоняет дрожь – словно жители до сих пор здесь и навеки вписаны в город, которому я не знаю названия. Я понимаю, что это магия, а не повод сходить с ума. Но всё равно жутко. Если задержать дыхание, я слышу, как переговариваются силуэты в окнах. Или это снова звенит песок? Или листья... Запах здесь такой же, как в лесу – холода и древесной гнили.

Не следует ночью подходить к окнам. А тем более шататься по лесу. Ночью надо спать в своей постели, вот что. Я

убеждаюсь в этом через пару недель скитаний, когда нахожу на одной из стен свой же знак, нарисованный белой краской. Я помечал деревья, а не дома, но какая разница? Выходит, что улица вовсе не ведёт на другой конец города. Вообще непонятно, куда она ведёт.

Пока я сижу под меткой, которую намалевал в начале пути, и думаю, как вырваться из лабиринта, мне в горло упирается клинок. Поразительное дело! Я понятия не имею, откуда он взялся. Я просто поднимаю голову и вижу маленькую фигурку, до ушей замотанную в тряпье того же оттенка, что и стены. Ресницы у этого явления присыпаны пылью. А глаза светлые, почти прозрачные. И весьма настороженные.

– Ты человек, – выдыхаю я потрясённо.

С ума сойти! Они существуют! Я бы меньше удивился дракону.

– Ты идиот? – подозрительно уточняет фигурка, и клинок больно царапает кожу.

По-моему, это даже не меч – больше похоже на шампур, такие штуки, на которых жарят мясо. Но всё равно лезвие колется, и я осторожно проталкиваю ладонь между остриём и своей шеей.

– Не пускай здесь кровь, – даю я совет, – мало ли, кого приманишь!

Этот резон действует. Лезвие немного отодвигается и застывает, чуть подрагивая, на уровне моих глаз.

– Кто ты такой? – спрашивает суровый незнакомец. – Я

давно иду по твоим знакам, имей в виду.

И что тут иметь в виду? Отдельные слова я разбираю, но суть ускользает. У незнакомца странный выговор. У него или у неё. Мне думается, это ребёнок.

– Я живу на маяке, – отвечаю я как можно яснее, – я впервые ушёл с берега. Знаки рисовал, чтобы не заблудиться.

Фигурка – наверное, это всё-таки девочка – прячет шампур в ножны у себя за спиной и делает шаг назад.

– Маяков не осталось, – заявляет она.

– Один остался. На краю песчаной косы.

– Там только сухая сосна.

Что? А!

– Это он и есть, – объясняю я. И заодно сам это понимаю. Девочка подозрительно щурится.

– Выходит, ты волшебник?

– Само собой, – подтверждаю я, косясь на шампур, – а то как бы я зажигал маяк?

Мне не терпится разузнать про Эйку, но как бы не обострить этим отношения. Трудно угадать намерения по замотанному лицу незнакомки. Мне кажется, она пребывает в смешанных чувствах, но в итоге нехотя предлагает:

– Если хочешь, идём со мной. Повидаешься с другими... Людьми. Или останешься тут, пока не занесёт песком?

Не то чтобы этот городской житель вызывал большое доверие, но я так давно мечтал встретить живую душу! В конце концов, что они мне сделают? Не покусают же! Прикончить

могут, но с этим не угадаешь.

– Зачем вам волшебник? – интересуюсь я, свернув в боковой переулок следом за моим проводником.

Сам я ни разу не отклонялся от основной дороги из опасения заплутать. Улочки такие узкие, что неба не видно, а дверные проёмы попадают редко. Но мой спутник легко находит уцелевшие мосты и хитрые проходы под каменными арками, до половины засыпанными песком.

– Я не стану отвечать, чтобы не наболтать лишнего, – разделяется он сразу со всеми вопросами. И ныряет в очередную щель.

Как бы и мне туда протиснуться с моим мешком? Ребёнок выражает недовольство нетерпеливым сопением, а потом проводит меня сразу сквозь несколько домов. Пока мы бредём по длинному гулкому коридору, я пытаюсь наладить диалог, но поводырь упрямо молчит. Кажется, это всё-таки мальчик. Убежать от него – не убежишь. А если убежишь, всё равно он про меня расскажет кому-нибудь, и те уже выследят. Ну что – прибить его? Связать и таскать с собой в надежде, что никому больше не попадусь? Тогда уже точно отступать будет некуда.

В очередной полутёмной комнате мой спутник несколько раз переходит от одного окна к другому, ничего не объясняя.

– Смеркается, – предупреждаю я, – если нам ещё далеко, пора подыскать ночлег. Обратни всё равно не дадут идти ночью.

Он смотрит с недоумением, а меня посещает тревожное чувство, что один из нас не в себе.

– Чёрные волки, – поясняю я на всякий случай, – или тебе не приходилось их видеть?

– Приходилось, – отвечает он с двойным недоумением, – глаза у меня в порядке! Поэтому мы начнём бежать от этого окна. Иначе не успеем. А ты точно волшебник?

– А ты? – спрашиваю я в ответ.

Он медленно качает головой – нет. Видно, ему на нашем острове ещё веселее, чем мне.

– Есть хочешь? – вздыхаю я.

Он неопределённо поводит плечами:

– Все хотят.

– Джем будешь?

Про джем он не понимает. Но я достаю одну банку, потом другую – с крольчатинной (не ведаю, что за зверь) и стараюсь убедить своим примером, что содержимое съедобно. Мальчик не убеждается. Действительно, что подходит для одних, для других – отравя. Помедлив, он решает взять на кончик ножа немного оранжевой кашицы и всё-таки убирает от лица тряпку. Пожалуй, передо мной девочка.

Пока садится солнце, она уплетает запасы из банок, а я устраиваюсь в оконном проёме и наблюдаю за улицей. Чёрные вот-вот нагрянут и окажутся совсем близко. Стоит ли так откровенно подставляться и доверять ребёнку? На душе всё беспокойнее, и когда девчушка пихает меня под локоть,

чтобы вернуть припасы, я хмуру отмахиваюсь.

– Да ты что! – пугается она. – Давай тебе мясо, а мне варенье.

– Давай, – соглашаюсь я со вздохом, – Не объяснишь, чего мы ожидаем?

– Утра, – объясняет она, чуть подняв белёсые брови, – ложись, я подежурю.

– А дежурить зачем? – теперь уже я удивляюсь. – У меня есть будильник. Заведём и спать ляжем.

Про будильник незнакомке понятно, и, немного поколебавшись, она соглашается лечь. Но заворачиваться в мой плащ наотрез отказывается. Магия какая-то неведомая, ну её! Ну, так ну. На всякий случай я размещаюсь между окном и недоверчивым ребёнком— вдруг чёрные ползут? Чёрные уже несутся мимо нескончаемой свирепой рекой. Рычат, грызутся, но нас не трогают.

Только перед рассветом становится тише, но весёлая механическая трель не даёт разлёживаться. Я тянусь, чтобы прекратить это дребезжание, и едва не лишаюсь руки – косматая морда внезапно заглядывает в окно. Я застываю, а девочка кидается ко мне и ударяет по будильнику. Звон обрывается, и оборотень теряет к нам интерес. Должно быть, на звук среагировал. Вот же свихнутое место!

– Пора! Да вставай же – не успеем, – бормочет моя спутница, запихивая в капюшон свои песчаные волосы.

– Куда? – поражаюсь я.

– За мной беги, – она бросает будильник в мешок, а мешок швыряет мне, – скорее, а то порвут!

Твою же...

– Умеешь быстро бегать? – запоздало спрашивается она, пока мы несёмся через двор.

Разумеется, я умею бегать. Особенно если могут растерзать. Но за ней я поспеваю с трудом. Или за ним. Мне внезапно надоедает гадать.

– Как твоё имя? – спрашиваю я, когда мы на секунду останавливаемся за углом.

Отлично – он опять смотрит с подозрением! Тут-то что подозрительного?

– Сейчас, – в голосе моего провожатого звучит серьёзность приказа. – Мы что есть мочи бежим вон туда. Не оглядывайся. И не падай.

Туда – это шагов сто по песку, а солнце не встало, и укрыться нигде. Впереди только стена с каменной лесенкой, а дальше гладкая площадь. И слишком далеко до домов. Но ребёнок подпрыгивает с места, не дождавшись первого луча и не оставив мне выбора. Волки пока что в дальнем конце улицы. Мы успеваем домчаться до стены, взлетаем по ступеням, и мальчишка испускает горестный вопль:

– Ведь был же мост!

Похоже, тут текла речка. Даже не речка – ручей. Но русло давно пересохло, на дне видны обломки перил.

– Назад давай, – командует мой провожатый, но я не дви-

гаюсь.

Куда – назад? Твари роятся под стеной! Я надеюсь, что лестница для них недоступна, но в этот раз везёт им, а не нам. Один волк, а за ним и второй начинают взбираться наверх. Медленно и неуверенно, словно у них под лапами что-то шаткое или раскалённое.

Мальчик рядом со мной швыряет в них осколками кирпичей. Волки отскакивают назад, но не уходят.

– Дай руку, попробую спустить тебя вниз, – я указываю на бывший ручей, и глаза моего спутника округляются. Нет, всё-таки девочка.

– Ты что! – содрогается она. – Потонем!

А! То есть мы до сих пор в лесу. Если верить её зрению. А если верить моему, до рассвета мы не дотянем.

– Ты же волшебник! – напоминает она, отбивая ногой камень.

– По-твоему, на тот берег они не сунутся?

Звери быстро наглеют, теперь уже целый десяток карабкается к нам. Они пригибаются под ударами камней, но назад не поворачивают. Их собратья мечутся вдоль стены с нетерпеливым рычанием.

– Разумеется, не сунутся! – убеждённо подтверждает мой спутник.

Чудно. Я спихиваю на волков груды щебня, и хватаю загадочного ребёнка поперёк туловища. От неожиданности он начинает вопить и брыкаться, даже пытается достать свой

шампур, но я швыряю его на другую сторону. Добросовестно заточенное лезвие чиркает меня по щеке, и волки оживляются, почуяв кровь. Я достаю нож — тот, что подлиннее — но не могу решить, куда прыгать: вниз или на тот берег? Так и так поломаешь ноги. И проводник, как назло, пропал! Хотя куда бы ему деться? Там голый пустырь!

Больше я ни о чём не успеваю подумать: чёрная тень бросается на меня из предрассветной мглы, и мы катимся с лестницы. От удара головой в глазах темнеет, но всё же я успеваю воткнуть нож. Почему-то лезвие проходит сквозь воздух, и вместо утра настанёт крошечная ночь.

Глава 4

Я прихожу в себя у подножия лестницы. И, по-моему, не совсем в себя, я себя как-то не чувствую. Рот полон крови, перед глазами колыхнется алый туман, правое плечо горит огнём. И волки здесь. То есть они уже не волки, а... А ещё неизвестно, что хуже. Теперь стало понятно, почему я не попал ножом в зверя! И хорошо, что не попал. Нож отобрали и уже вытряхивают мешок. Вся свора разбежалась, кроме десяти. У них звериные движения, оранжевые глаза, чёрные всклокоченные волосы и куртки из волчьего меха. Прочая одежда тоже связана из собственной шерсти.

Туман перед глазами обращается розовой рассветной дымкой, но голова всё равно трещит. И на меня опять направляют меч. О! Сразу пять мечей! Клинки из иссиня-чёрного металла пугают одним видом. Угрюмые люди о чём-то спрашивают, но я не разбираю слов. То ли оглох, то ли опять новый язык: гул, глухое ворчание – и ни тени смысла. Поневоле я сосредотачиваю внимание на самом свирепом оборотне. Это вожак, судя по тому, что у него шрам через всё лицо, и только один глаз, и скалится он особенно выразительно. В этот момент остальные замолкают в почтении и избегают встречаться с ним взглядами.

Но я не могу отвернуться, потому что в руке у него единственная вещь, которую я не готов уступить. Одноглазый

оставляет надежду со мной договориться и показывает жестами, что я должен взять у него Перо. Мечи при этом двигаются ближе, а я трясую головой – спасибо, обойдусь. Получаю кулаком в челюсть, и Перо подсовывают снова.

Они, видимо, хотят, чтобы я что-то сделал. Но если сделаю не так, меня убьют. Идея неплоха, но непонятна. Для понимания я медленно повторяю заклинание с хитрой загогулиной на конце. Золотистые знаки тают в воздухе, и Перо опять отбирают. Вся десятка начинает горячо спорить, опасно размахивая мечами. Они не хотят верить, что я волшебник, им не нравится, что я волшебник, надо меня зарубить и сбросить в канал.

– Не надо, – возражаю я, поспешно сглотив кровь, – мёртвый я бесполезен.

Все разом утихают, а вожак застывает на корточках перед моим лицом. Перо снова у него, и я стараюсь смотреть в единственный оранжевый глаз.

– Стало быть, понимаешь по-нашему, – он усмехается, но усмешка перетекает в оскал, – зачем глухим притворялся?

– Это не притворство, – объясняю я устало, – это магия. Вы же сами меня проверяли.

Опять получаю в челюсть, уже с другой стороны. Если они хотят, чтобы я говорил, то зачем лишать такой возможности? Видимо, это у них тоже элемент общения. От удара мысли проясняются, и я озираюсь по сторонам. Я хочу понять, что с моим спутником? Кажется, на него не обратили внимания.

Иначе поинтересовались бы, где второй.

– Корабли вернулись? – вожак будто вгрызается каждым словом.

Я ощупываю языком внутреннюю поверхность щеки, рас-
сечённую ударом, и отвечаю как можно более внятно:

– Приплыла целая армада. Сейчас камня на камне не оста-
вят от ваших развалин!

– Врёт, – произносит надтреснутый голосок за моей спи-
ной.

Худая лохматая девчонка деловито разглядывает книжку.
Интересно, на какой странице она это подсмотрела? Учиты-
вая, что том она держит вверх тормашками.

– Вру, – соглашаюсь я, чтобы не сразу замахивались, – это
и ребёнку понятно! Никому вы не сдались. И других магов
не найдёте.

Девчонка недовольно кривится и переворачивает книгу
нужной стороной – видимо, дошла там до картинок.

– Не похож он на волшебника, – убеждённо заявляет
она, – какой-то тощий и конопатый. Старый Уркис, тот ещё
ладно! А этого надо съесть ночью.

Стерва. Зато я ей нравлюсь. Хотя бы как еда.

– Помолчи, Шустрая, – ласково щерится вожак, – если нет
кораблей, откуда ты взялся?

На меня он смотрит ещё ласковее, но взгляд леденеет.

– С берега. Я там живу.

– Больше не живёшь, – решает одноглазый, – поднимайся

и потопали.

Легко сказать! Помогать мне никто не рвётся. Я тихонько отодвигаюсь от мечей и встаю, держась за лестницу. Меня ведёт в сторону, но очередной толчок помогает устоять на ногах.

– Книжки откуда? – резко осведомляется вожак.

Оборотни из его свиты тревожно принимают и поглядывают за стену, но мне их опасения непонятны. Там же нет никого – голый пустырь! Я медлю с ответом только потому, что пытаюсь проглотить кровавой сгусток.

– Из дома, – поясняю я, наконец.

Вожак недоверчиво щурит глаз.

– С собой зачем их таскаешь? На обмен?

– Читать люблю, – я пытаюсь пожать плечами, но выходит только одним, – я ничего не продаю и не меняю. Книги мои.

Он усмехается. Понятно почему. И тем не менее.

– Еду могу отдать даром. Раз магия вам без надобности, – предлагаю я в виде компромисса.

– Да мы не едим, – размышляет он, почёсывая свою гриву, – Шустрая, верни его писанину! Всё равно нам не разобрать эти каракули.

Девушка резко пихает мне обе книжки, безошибочно находя самую уязвимую точку.

– Я не ребёнок, – просвещает она свирепым шепотком.

Вот что за люди, а?

Справедливости ради, днём они чуть симпатичнее, неже-

ли при свете маяка. Я утешаюсь этим по дороге через мёртвые улицы, над которыми вяло поднимается осеннее солнце. И весь последующий месяц не нахожу других утешений. Улиц я больше не вижу, как и дневного света.

Что сказать? Живут они под городом, в глубоких разветвлённых подземельях. Иногда ходят в гости к соседям. По каменным переходам длиною в жизнь. У каждой стаи свои владения. Это строго оговорено, также как места охоты и делёж добычи. Я, к примеру, добыча Кривого, и другие не претендуют. По слухам, все претензии кончаются кровавой резнёй в чёрных коридорах, поэтому без необходимости стаи не встречаются. Разве что ночью, но это отдельная тема.

Ночью волки себя не помнят. Поэтому с заходом солнца все выбираются на поверхность – чтобы не мусорить в подземельях. Ну и чтобы поесть. В темноте они охотятся на кого попало, в том числе друг на друга. В первый день я задал наивный вопрос – не проще ли запираяться до рассвета по одному? А днём бы жили по-человечески! Объяснения не получил, получил по ушам – ладно. Бьют оборотни нечасто и несильно – когда не хватает слов. Язык у них небогатый, даже имён настоящих нет. Но это общая загадка – с именами и названиями. Могу предположить, что к ним привязывали какую-то магию.

Волки обходятся кличками. Вожак у них Кривой, его супруга – Вострая, её брат – Лохматый и так далее. Всего их штук двести, живут скопом, в огромном зале без окон. Что

тут было прежде, не представляю. Теперь всюду шатры из чёрных шкур. Больше похоже на временный лагерь, но оборотни неприхотливы: было бы, где отоспаться после ночи! Освещения нет совсем. Свет их только злит, но для дела терпят.

Какие у нас с ними дела? Разные. Перво-наперво Кривой стал требовать с меня воду. Я предложил на выбор синюю и компот. Ни то, ни другое не понравилось. Мне вручили Перо – опять же, под страхом смерти. Я сразу предупредил, что изготовить воду не могу – только огонь. Меня побили. Я вспомнил, что в семнадцатом томе был подходящий раздел – не про то, как делать воду, а как найти. Порылся в книжке, но заклинание оказалось длинным. То ли оно заканчивалось на последней странице, то ли продолжалось в восемнадцатом томе. У меня продолжения всё равно не было, начал колдовать так. Вышел небольшой обвал, потом небольшой разлом. Потом я приловчился, но откуда взяться воде в пустыне?

В итоге мы с Лохматым и пятью добровольцами до ночи ползали по коридорам в поисках влаги. Сначала обилие волков меня сковывало, но скоро им нашлось дело – обрубать свисающие с потолка глаза. Да, глаза. Это как бы корни деревьев, но на концах у них глазки. Так они в коридоры прорастают и... Душат, что ли, я не очень понял. Местный колорит.

– Если деревья чем-то питаются, значит, вода близко, – осмелился я предположить, просто чтобы мои спутники разок улыбнулись. Ну, или оскалились.

Нельзя же всё время молчать и смотреть в сторону! Казалось, они только ночи ждут, чтобы со мной разобраться.

— Мозговитые вы, волшебники! — зловеще подметил Лохматый. — Корни не водой питаются. Колдуй больше, рассуждай меньше. Не успеем до заката, я за себя не ручаюсь.

Вот и поболтали. К вечеру мне стало безразлично, чем всё кончится, лишь бы кончилось. Колдовство требует точности движений, но рука с Пером еле слушалась. Крайне неудачно мне повредили правое плечо! Лишь с тысячной попытки в одном из переходов открылся ключ. То есть сквозь камни засочилась мутная жижа. Лохматый пришёл в свирепый восторг и разрешил повернуть к лагерю, а возле лужи оставил часового. Я забеспокоился, как бы стена не обрушилась? И что этот бедняга станет делать тут до рассвета? А он себя сам цепью пристегнул за ногу — чтобы ночью сторожить родник. Друзья вбили для него кольцо в стенку — быстро так! Они всегда, что ли, с цепями ходят? За недоумение мне беззлобно дали по носу и лишний раз напомнили, что от магов требуется магия, а мозгов им и так девать некуда.

К счастью, мы скоро добрались до общего зала. Там мне указали свободный угол, и я с радостью туда свалился. Ужинать не хотелось, хотя еду не отнимали, а из вещей забрали только ножи. Лохматый ещё претендовал на плащ, но вожак ему отсоветовал. У тебя, мол, своя шкура, а человечьи роскошества нам без надобности. Как знать, может эта тряпка проклятая? Только я улёгся, как Кривой опять меня растол-

кал. Для дружеской беседы. Что-то про магические границы, про городскую стену... До меня не дошло с первого раза.

– Сейчас, – говорю, – дайте свет зажечь.

Скрутил фитиль из шерсти – её тут полно – воткнул в свою бутылку с волшебной жидкостью. У меня были опасения, что оборотни начнут беситься от синего огонька. Но нет, они просто отворачиваются недовольно. Десятки оранжевых глаз в темноте, а близко не подходят. Вот и Кривой отодвинулся глубже в тень.

– Подземный источник – это хорошо, – рассуждает он, – это ты молодец. Но нам бы из города выбраться. А забор не пускает.

Я прижимаюсь затылком к стене – так голова болит меньше. И кровь перестаёт течь из носа, а то пообщаться не даёт.

– Зачем вам за забор? – спрашиваю я, вытирая нос. – Ещё сожрёте там всех!

– Предлагаешь нам только друг друга жрать? – осведомляется Кривой. – Ты вошёл в город. Стало быть, знаешь, где вход.

– Вход и выход не одно и то же.

Кривой поскрёб шею когтями, поразмыслил и кивнул:

– Ладно, это обождёт. А как у тебя с боевыми навыками?

– Вы же сами видели.

– Не густо, – признаёт он с прискорбием, – тогда сам выбирай: или найди нам ворота или будешь здесь нечисть усмирять.

– А вам нечисть мешает?

– Не то слово, – отвечает вожак, доверительно понизив голос, – тут не пойми что крылатое повадилось охотиться. Никак его поймать не можем и крылья повыдергать.

И в глаза мне глядит. Внимательно так.

– Я пока не понимаю, про что вы, – бормочу я в замешательстве, – вы мне это покажите. Если оно способно гореть, я справлюсь.

– Покажу при случае, – обнадеживает он, – отдыхай пока. Премного благодарен, отдохнёшь тут!

– Только рубаху сними, – это уже Вострая придумала.

Мне её тон не понравился, и история про летающую тварь насторожила. А ну как оборотни опознают её укус?

– Раздеваться-то зачем?

Но волчица только глазами сверкнула:

– Если желаешь гнить заживо, мешать не буду.

Пожалуй, обойдусь без рубашки.

– Шустрой кинь, – распоряжается Вострая, – она залатает.

Ступив одной ногой в круг света, Шустрая показывает оскал.

– Плащ тоже давай! А то он в крови – нехорошо.

– Отвяжись, – предлагаю я по-хорошему.

– Дикий совсем! – щетинится девчонка.

Зыркнула исподлобья, но отошла.

Шустрая у нас сирота. Маму съели, папу съели, сирота теперь. А за ничейными волчатами вожак приглядывает. Вот

она и крутится рядом. Как зима пройдёт, её замуж отдадут. В соседнюю стаю. Такой обмен происходит по весне и по осени – вместе с линькой.

– Если тебя не есть, то надо лечить, – растолковывает Вострая, замешивая в волчьей черепушке что-то вонючее.

Моим плечом решила заняться. К чему бы такое беспокойство?

– Радуйся, что когтями задела, а не зубами. Ночью бы с нами бегал! – приговаривает она, добавляя слюну в месиво.

– А обязательно этой... Этим обрабатывать? – спрашиваю я в тревоге. – Я бы сам как-нибудь.

– Не дёргайся, – строго предупреждает Вострая, – мазь – первое средство. Мы её из корней давим, волшебная вещь!

Это многое объясняет. А уж как дерёт! Про старые шрамы она тоже не забыла спросить, не случайно получила своё прозвище.

– Бабочки искушали, – прошипел я, не вдаваясь в подробности.

Волки посмеялись. Непонятно, поверили или нет.

На ночь они уводят меня ещё ниже по каменным лестницам. Из вещей разрешают прихватить только бутылку синей воды – для освещения. Дорогу показывает лично Кривой с четырьмя друзьями.

– Напрасно вы озаботились такой охраной, – уверяю я, спотыкаясь на истёртых ступеньках, – я всё равно из ваших

переходов не выберусь.

– Это не от тебя охрана, – ухмыляется Кривой.

Воздух в нижних коридорах затхлый, и тянутся эти коридоры бескончаемо. По стенам сплошь решётки и все сломанные.

– Кого тут держали? – спрашиваю я с опаской. Не хочется опять получить в ухо за любопытство, но Кривой расплывается в жутковатой улыбке:

– Нас держали.

– Ночью?

– Днём, – ухмыляется вожак, – ночью сам сиди.

Не то чтобы это радовало. Учитывая, что ночь под землёй вечная.

– Вам скучно без врагов? – спрашиваю я, когда нас разговораживает решётка. – Непременно надо кого-то бояться?

Теперь я могу отпрыгнуть из-под удара. Заново поднимать тяжёлые прутья им будет лень.

– А то как же! – ехидно соглашается Кривой. – Страсть, как боюсь закусить тобой ненароком. Шучу я! Волки сюда не спускаются. Только сиди тихо. Тут тебе и компания.

Пересмеялся со своими подручными, и все пятеро потопали встречать луну.

Компания какая-то... Лучше бы одного заперли! Тень в углу завожилась, и я шарахнулся к прутьям. Опять что-нибудь зубастое! Или эти корни с глазами.

Оказалось – нет, человек. Весь седой, волосы до пояса и

борода прямо от глаз – тоже до пояса. На слабый свет шурится, будто на лампу с маяка.

– Корабли? – требует он ответа.

– Нет, – отвечаю я, – кораблей.

Этот вопрос в наших краях заменяет приветствие. И заодно прощание. Сосед мой сразу лёг и отвернулся, а я осмотрелся при свете синей бутылки. Потёртые шкуры под ногами, ржавое ведро в углу – понятно, зачем. Ещё волчьи черепашки на полу – они тут вместо посуды. Ни за что не зацепившись взглядом, я подгрёб в угол пару шкур и поставил рядом светящуюся бутылку. Получилось мягко и уютно. Осталось только в плащ завернуться.

– Не хотите накрыться? – предложил я соседу. – Промозгло тут.

Он посмотрел искоса.

– Флаг, – сообщает, – королевский штандарт.

– Замечательно греет, – заверяю я, разглаживая складки плаща, – Его Величеству теперь всё безразлично, он давно рыб кормит.

Старик тут же сел и давай меня глазами сверлить. Не по-доброму. И глаза у него мутные. Может, они родня были с королём?

– Что ты знаешь про Его Величество?

– В первый раз о нём слышу, – уверяю я, выдёргивая шерсть из подстилки, – но в книжках иногда упоминаются короли. Выходит, и у нас они были?

– Не у вас, а у нас, – голос моего соседа скрипит, будто ржавая решётка.

– Какая теперь разница? – удивляюсь я. – Вряд ли на острове остались другие маги!

Коротать ночь с оборотнями гиблое дело. Но и так не лучше. Старик неожиданно начинает смеяться и смеётся минут десять.

– Так все ваши корабли потонули, а? – захлёбывается он. – А наши так и остались в гавани за южными воротами, и плыть на них некому. Ты бы лучше гвоздь с собой принёс, чем такие вести!

– Зачем вам гвоздь? – настораживаюсь я, скручивая запасной фитиль.

Вдруг он знает, как взломать решётку?

– В стенку лбом забить, да на кишках повеситься! – хохочет старичок.

– Вы, наверное, Уркис, – предполагаю я, помолчав, – давно тут живёте?

– С тех самых пор, – кряхтит он, утирая слёзы, – а ты, стало быть, маг? Откуда же ты взялся без кораблей?

– С маяка, – отвечаю я осторожно.

Нет, а что такого? Я этот диалог уже наизусть выучил. Но Уркис удивляется больше всех. Даже смеяться перестаёт.

– У вас и маяк горит?

– Что ещё ему делать?

Уркис смотрит на меня, потом на огонёк в бутылке, потом

опять на меня.

– Синим светом? – догадывается он.

– Другого не осталось...

Не успеваю я договорить, как старик валится в новом припадке хохота.

– Вы не объясните, что тут забавного? – спрашиваю я с завистью. – Я бы тоже посмеялся, а то день сегодня так себе.

– С чего ты взял, будто я стану всё тебе объяснять? – стоит Уркис, держась за голову.

– А есть другие занятия? – не возьму я в толк. – Хотите, я сам что-нибудь расскажу. Раз вы давно не выбирались наверх.

– И о чём... – сладить с весельем у него не получается, но смех переходит в кашель. – О чём ты мне можешь... Рассказать?

– Про маяк вот рассказал, – отвечаю я, устраиваясь на ночь, – а что вам интересно?

– Про маяк мне безумно интересно! Кто же тебе разрешил оттуда уйти?

По-моему, абсурдный вопрос. Я приподнимаюсь и опираю голову на руку, чтобы лучше его видеть.

– Вы представляете себе, сколько лет пролетело? Мой покойный отец клялся быть зрителем, а не я.

– И какая разница? – сиплым шёпотом осведомляется Уркис.

– Какая только возможна. Мы с ним разные люди.

– Да неужели? – ещё тише шипит старик. – Как же так получилось? Впрочем, я догадываюсь...

О чём он догадывается, это его дело. А я припоминаю лихорадку, накрывшую меня перед уходом с берега. Может, простуда была ни при чём?

– Так и получилось, – улыбаюсь я Уркису, – скучно стало, я и ушёл. Всё равно вода в маяке кончается!

Сосед смотрит на меня, я смотрю на него. Что?

– Перо, – выдыхает он, – раз ты маг, то где Перо?

– А ваше? – спрашиваю.

И вот тут он на меня кидается. Исключительно прытко для своих лет. Схватка выходит несуразная, потому что мы путаемся в шкурах и его бороде. Уркис пытается меня души́ть, а я отбиваюсь одной рукой – вторая плохо подчиняется. Наконец, он устаёт и отваливается сам.

– Вы, – хриплю я, – старый человек... И мне не хочется вас калечить. Но если дальше пойдёт в таком духе, я вас из бутылки оболью... И подожгу.

– Или я тебя, – сжимает кулаки Уркис.

Бутылка стоит как раз между нами.

– Рискните, вы же чокнутый!

– Будь у меня Перо, – плюётся он, – стал бы я с тобой разговаривать!

Да что такое? Никто со мной разговаривать не желает!

– Ну и молчите, раз не намолчались, – предлагаю я, потирая затылок, – всё равно от вас никакого проку. Лучше бы

подсказали, как отсюда выбраться.

– Ждёшь, что я тебя начну магии учить от нечего делать? – оскорбляется Уркис.

– И в мыслях не было, – заверяю я, пока он опять не взбеленился, – я вообще магию не люблю, мне бы только решётку отпереть. И разойдёмся с вами в разные стороны. Как ко-рабли.

Ему совсем, что ли, на свободу не хочется?!

– Как бы не так! Тут сдохнешь, – грозит Уркис.

– Тогда не мешайте умирать.

Вернувшись на свою половину клетки, я ложусь там спиной к стене и опять заворачиваюсь в плащ. В штандарт этот. Но бутылку придвигаю поближе и фитиль не гашу. Вдруг этот полоумный опять драться полезет?

Так вот и зажили.

* * *

Уркиса не выпускают ни днём, ни ночью. А меня иногда выводят. Условно говоря, днём. Когда волки обретают человеческий облик. Обычно им требуется какое-нибудь мелкое колдовство, но иногда мне разрешают просто посидеть в сторонке. В целом мы друг к другу притерпелись. У меня появилось общество, у оборотней – вода. Они в том коридоре корни пожгли, ручей камнем обложили, и жить стало легче. Правду сказать, не позавидуешь такой жизни, когда на закате надо всё бросать, а дальше неведомо, где очнёшься.

И очнёшься ли.

Я надеялся, что меня пошлют ловить крылатую нечисть. Тогда я либо сбегу, либо встречу Эйку, либо уж... Что-нибудь. Но нечисть не показывается.

Зато Шустрая является регулярно. В первое утро она приволокла мне в клетку чёрную шерстяную рубашку взамен разодранной. С тех пор забегает каждый день – на рассвете и перед заходом солнца. Подбрасывает съестные припасы из моего мешка. Я питался бы горелым мясом, которым тут снабжают Уркиса, но кого могут жарить оборотни? Уркису это всё равно, да и то сказать – какие у него варианты? От компота он отказался и вообще враждебности не утратил – ни ко мне, ни к обитателям подземелий. Странные у него отношения с волками! Оборотни его боятся, это видно. И прикончить боятся, и освободить. Даже не говорят с ним лишний раз.

Наверное, Шустрая проболталась бы, в чём дело. Но она мало знает. И много удивляется. Оттого и повадилась к волшебникам. Сперва опасалась, потом стала задерживаться – то на минуту, то на полчаса. Уркис во время её визитов забивается в тёмный угол, так что про него можно совсем забыть. Тайн у нас с Шустрой нет. Я ей книжки пересказываю. Или что-нибудь нестрашное объясняю: про океан, который шар, про белые корабли. Шустрая кораблей не боится, она их не помнит. Просто удивляется – ишь, по воде бегают и не тонут!

Уркис только уши зажимает, но при виде Пера приободряется. Шустрая стала приносить Перо после того, как я наверху показал пару забавных штук. Скучно же в темноте! Перо она таскает из тайника Кривого, когда он отправляется рыскать по буреломам. Ловкости Шустрой не занимать, до сих пор ни разу не попалась на краже. Мне не хочется её подводить, а как сбежать, я всё равно не придумал. Днём над нашими головами собирается вся стая, ночью та же стая шастает по округе. Опять же, решётки, запутанные ходы, глазастые корни... После заката оборотни даже не охраняют темницу – некому. Беги, если ума нет!

В общем, болтаем мы с Шустрой через прутья. Она рассказывает про соседние племена, про этот их весенний праздник линьки. Я показываю, как высекать искры из воздуха. Или как свет от Пера по стене пляшет. Можно волка сделать, можно большую бабочку... Но от решётки лучше не отходить. Доверять Уркису я так и не научился. Дай ему Перо, он невесь что натворит. С его-то волками в голове! Но старик сидит смирно. Иногда только бросит что-нибудь вроде:

– С огнём играете, детки! Ну-ну, доиграетесь, – и опять носом к стенке.

На мои волшебные фокусы он смотреть не в силах. Когда углядел, что я и бреюсь Пером, полдня кипятком плевался. Не понимаю почему. Удобно же! А что, надо бороду отраслить до земли, и об неё спотыкаться? Станный он, право

слово! Поэтому Перо я всегда возвращаю Шустрой.

– Думаешь, эта просто так бегают? – кряхтит по ночам Уркис. – Жди! Ей вожак велел к тебе подобраться. По весне, глядишь, оженят. Он тут магов думает разводить, Кривой этот. Клеток вон сколько!

– И что вы за человек? – удивляюсь я на него. – Ну ходит она и ходит, грустно ей. Вам-то какая печаль?

Я в любом случае не собираюсь здесь жить. Тем более, с этим шустрым ребёнком. Да я как бы уже женат! Или проклят – как поглядеть.

– А ты, – скрипит Уркис, – попросись в отдельную клетку.

– Это тут при чём?

Я вообще-то уже просился. Не разрешили.

– А при том, – ярится мой сосед, – что ты от северных ворот, а я от южных! Вот им и развлечение. Поглядеть, что будет.

– Ничего не будет, если вы от меня отцепитесь, – отвечаю я, прикидывая, сколько ждать утра, – учить не хотите, бежать не хотите. Больше мне вас развлечь нечем.

Уркис отвечает беззубой ухмылкой:

– Это я с тобой бежать не хочу, а так почему бы нет? Я бы враз всё это зверье тут замуровал – много ума не надо!

– От большого ума всё наше счастье, – замечаю я, подоткнув плащ.

После этого обмена любезностями он замотался в бороду и вовсе прекратил разговаривать. Хуже не стало. Хуже стало

совсем по другой причине.

Шустрая явилась, как всегда, перед закатом. Притащила печенье и воду из родника. Я её много раз пытался подкормить – не хочет.

– Ладно, ступай, – говорю, – а то обратишься.

– Да мне недалеко, – отмахивается она.

– По соседству запираешься?

Она косится на Уркиса и осторожно кивает.

– А что на воле не бегаешь?

Шустрая опять косится на Уркиса и уходит.

– Перо забыла! – окликаю я её.

Шустрая медленно возвращается, но не спешит протягивать руку. Посверкивает из темноты коридора тревожными глазами, переминается с ноги на ногу и, наконец, произносит:

– Я тебе одну вещь скажу, подойди.

Мы и так стоим друг напротив друга, а приближаться вплотную неразумно. Голос Шустрой звучит ниже обычного, и в глазах уже отражается луна, но мне не хочется её обижать. Шустрая цепляется за прутья, чтобы что-то шепнуть мне на ухо, но вместо этого быстро целует в губы. Отпрыгивает, застывает, и я вижу, как её взгляд перестаёт быть взглядом. Она больше не видит и не смотрит, она умирает до того, как падает на пол.

Я хватаюсь за решётку и, кажется, кричу, но не слышу своего голоса. Просто задыхаюсь и не могу выдохнуть. Мой со-

сед резко вскакивает, а я никак не могу отвести взгляд от Шустрой. Вместо превращения в волчонка, она усыхает на глазах, словно пролежала тут не один день. Уркис тащит меня назад, но я не соображаю, чего он хочет, я совершенно забыл про Перо в руке. Уркис пытается его отобрать, я отпихиваю от себя настырного старика, а он запускает в меня горячей бутылкой. Я шарахаюсь в сторону, и бутылка ударяется о пол где-то в коридоре. За спиной вспыхивает синее пламя, но оглянуться страшно.

– Тварь! – припечатывает Уркис, – Так вот, почему вампир не нападает, пока ты здесь! Мне бы сразу догадаться, да глаза уже не те. Посиди-ка с моё во тьме!

Я не хочу сидеть во тьме. А сидеть с ним хочу и того меньше.

– Отдай Перо, – требует Уркис, – всё равно убью.

Кажется, он готов это сделать голыми руками, а мне как быть? Придётся убить его первым или умереть, потому что всю ночь мы по клетке не пробегаем. Уркис совершает немыслимый прыжок и всем весом придавливает меня к решётке. Я вырываюсь, чтобы зашвырнуть Перо в коридор, но старик скорее сломает мне руку, чем позволит это сделать. Не стукнуть ли его головой о стенку, чтобы забылся до утра?

Уркис сыплет проклятиями, а я всё ещё не могу говорить. Просто молча отдираю его от себя. Перо при этом только мешает, и в какой-то момент Уркис за него хватается – поверх моей руки. Мы оба замираем, боясь уничтожить последнюю

надежду. Пальцы у Уркиса хваткие, как у хищной птицы – не отдерёшь. Длинными ногтями он тут же впивается мне в кожу, и я не сразу соображаю, что старик уже колдует. Уркис не произносит слова и не рисует знаки, но в его глазах вспыхивает что-то такое, что становится ясно – сейчас будет магия.

А ещё я, наконец, понимаю то, что мой сосед разгадал мгновенно – почему погибла Шустрая. Раз он обозвал меня тварью, значит вампиром стать не хочет. Извернувшись, я смыкаю зубы на его жилистом запястье и пытаюсь прокусить до крови. Уркис отталкивает меня с диким воплем, я пролетаю сквозь прутья и падаю, спотыкаясь о тело Шустрой.

Спохватившись, старик бросается следом. Но Перо, хотя и помятое, всё ещё в моей руке, а решётка вновь непреодолима. Уркис рычит и трясёт прутья. Я сбиваю огонь с плаща, потом забиваю плащом огонь и подбираю бутылку с остатками синей воды. Бутылка цела, она же заговорённая! Значит, можно продолжать путь. Не собираюсь дожидаться Кривого.

Уркис расписывает во всех деталях, как вожак меня выпотрошит, а затем вывернет наизнанку за то, что я вылез из клетки и сгубил магией его любимицу. Да, и разорил их охотничьи уголья тоже я! Я бы сам себя убил, но девочку не вернёшь, и говорить тут не о чем. Я закрываю Шустрой глаза, снимаю с её пояса связку ключей и ухожу. Уркис кричит мне вслед, чтобы я открыл чёртову решётку. Или прикончил его. Не знаю, может, мне стоило сделать что-то из этого?

Я, правда, не знаю, поэтому тороплюсь подняться по лестнице. А потом, зажав в зубах Перо, лихорадочно вожусь с дверью. И всё это время продолжаю слушать проклятия Уркиса. Кто бы знал, что в нашем с ним языке их так много! Но едва за моей спиной щёлкает замок, наступает мёртвая тишина. Впереди ещё три лестницы и две двери, и я невыносимо долго разбираюсь с ключами. Роняю их, потом ищу, и руки не перестают трястись. Я закрываю за собой все запоры в надежде, что оборотни не сразу заподозрят побег. Но выбросить ключи не решаюсь. Вдруг это единственная связка? Тогда Уркису не позавидуешь. Впрочем, мне тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.